

Рудольф Штейнер

Четыре Драмы-Мистерии

GA 014

И С П Ы Т А Н И Е Д У Ш И

(ИНСЦЕНИРОВАННОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ)

ПРОДОЛЖЕНИЕ "БРАТ ПОСВЯЩЕНИЯ"

Перевод с нем. Н.Н.Белоцветова
редакция перевода А.А. Демидова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, ОБРАЗЫ И СОБЫТИЯ

Духовные и душевные события, изображенные в "Испытании Души", являются продолжением событий прежде появившейся мистерии ["Врата Посвящения"](#).

Профессор Капезий.

Бенедикт, Иерофант Солнечного Храма.

Филия, Астрид, Луна: духовные существа, связующие человеческие душевные силы с космосом.

Другая Филия, духовное существо, препятствующее соединению душевных сил с космосом.

Голос Совести, не аллегория, а реальность духовного познания.

Мария.

Иоанн Томазий.

Доктор Штрадер.

Феликс Бальде.

Фелиция Бальде.

Двойник Иоанна Томазия.

Люцифер.

Ариман.

* * *

Шесть крестьян и шесть крестьянок.

Симон, еврей, прежняя инкарнация доктора Штрадера.

Фома, прежняя инкарнация Иоанна Томазия.

Монах, прежняя инкарнация Марии.

Гроссмейстер, глава ложи Мистического Братства.

Первый Надзиратель этого Братства, прежняя инкарнация профессора Капезия.

Второй Надзиратель.

Первый Церемониймейстер.

Второй Церемониймейстер.

Дух Бенедикта.

Иосиф Кюне, прежняя инкарнация Феликса Бальде.

Жена Кюне, прежняя инкарнация Фелиции Бальде.

Берта, их дочь, прежняя инкарнация Другой Марии, выведенной во "Вратах Посвящения".

Цецилия, именуемая Цилли, падчерица Кюне, прежняя инкарнация Теодоры, выведенной во "Вратах Посвящения".

Феодосий, Роман: Иерофанты Солнечного Храма.

* * *

События шестой, седьмой, восьмой и девятой картины образуют содержание ретроспекции Капезия, созерцающего свою прежнюю жизнь.

Эту же ретроспекцию переживают одновременно Мария и Иоанн Томазий, но не Штрадер, прежнее воплощение которого созерцают лишь Капезий, Мария и Иоанн. Образы ретроспекции, принадлежащей к 14-му веку, являются результатами имажинативного познания и потому передают идеализацию исторически данного, познаваемую в физическом мире **лишь** по своим последствиям. Характер повторения жизней (от событий четырнадцатого столетия к современности) нельзя рассматривать как нечто общеобязательное; такая повторность встречается лишь в переходные эпохи развития. Поэтому и те конфликты, которые изображены тут, как следствие прежней жизни, возможны только в такие периоды времени.

Музыкальные иллюстрации как "Врат Посвящения", так и "Испытания Души" принадлежат перу Адольфа Аренсона.

СОДЕРЖАНИЕ

[КАРТИНА ПЕРВАЯ](#)

[КАРТИНА ВТОРАЯ](#)

[КАРТИНА ТРЕТЬЯ](#)

[КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)

[КАРТИНА ПЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ШЕСТАЯ](#)

[КАРТИНА СЕДЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ВОСЬМАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕВЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ДЕСЯТАЯ](#)

[КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ](#)

[КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)

[КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ](#)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Библиотека и кабинет Капезия. Коричневый тон. Вечер. Сначала Капезий, потом духовные существа, являющиеся силами души. Затем Бенедикт. Эта картина, как и последующие, изображает события, происходившие на несколько лет позднее событий, представленных во "Вратах Посвящения".

Капезий (читая книгу)

"В бесплотное свой взор душевный устремляя,
И в тенях бледного мышленья
По собственным законам грезя, —
Так часто люди, заблуждаясь, ищут
И цель и смысл жизни.
Из глубины душевной ждут ответа
На бытия вселенского вопросы.
Но в заблужденье ищущий живет
Уже при самом первом шаге.
И под конец себя в бессилье
Духовный взор уничтожает".

(Последующее от себя.)

Так в изречении суровом
 Изображает мудрый Бенедикт
 Душевный путь столь многих смертных.
 И каждым словом он меня терзает.
 Ход собственной судьбы моей
 Правдиво мне рисует он.
 И если б во грозе и буре
 Низверглось на меня
 Само разгневанное Божество,
 Его ужасное явление
 Меня не так бы устрасило,
 Как сила судьбоносных слов.

В течение жизни долголетней
 Одни лишь образы творил я,
 Творил одни лишь тени
 Душевных снов, пытаюсь тщетно
 Деянья Духа и природы
 Отобразить, и в сновиденьях
 Загадки мироздания разрешить.
 Ко многим целям всей душой
 Без отдыха стремился я;
 Но ясно познаю я,
 Что сам в душе своей не обитаю,
 Когда, в пространствах заблудившись,
 Мышленья нити прясть я собираюсь.
 Осталось все пустой мечтой,
 Что я живописал самодовольно.

Но встретился мне на пути
 Томазий, живописец юный.
 При помощи душевной силы
 Стяжать себе хотел он Дух,
 Который превращает
 Людей и из глубин душевных
 Дает подняться силам,
 Ключи бытия творящим.
 Что он обрел в душевных недрах,
 Таится в каждом смертном.

И так как мне на нём оно открылось,
 Считаю я грехом тягчайшим в жизни —
 Хранить под спудом клад духовный.
 Я знаю: должен я искать,
 В сомненьях я коснеть не смею.

На суетных путях мышленья своего
 Я ложным мненьем раньше соблазнялся,
 Что тщетны все искания людей,
 Что надо отказаться от раздумий,
 Взыскующих бытия ключей.
 И если б мудрости венец
 В том достоверно мне открылся,
 Что требуют судьбы владыки,
 Чтоб я, как личность, погрузился
 В бесплотное ничто, —
 Я не был бы испуган.

Но думать так теперь — кощунство
 С тех пор, как я увидел ясно,
 Что мне покоя не найти,
 Пока в душе моей богатства Духа
 Не обретут дневного света.
 В людскую душу Духи мира насадили
 Плоды трудов своих благих.
 И их деянья губит
 Тот, кто дает в себе их семенам погибнуть.
 Так познаю я высший долг житейский.

Но стоит только шаг мне сделать
 В страну, которой мне не избежать,
 Как чувствую, что пропадает сила,
 Которой я в мышление гордом
 Цель бытия хотел постигнуть
 В пространстве и времен течение.
 Я думал раньше, что легко
 Из мозга выжму я те мысли,
 Что истину схватить способны.
 Но ныне, жизненный родник
 При свете истины ища,
 Мышленья тупость вижу я.
 И немощно стремлюсь
 Я мыслеобразы построить
 Из слов суровых Бенедикта,
 Чтоб мне духовный путь они явили.

(Снова читает.)

"В души глубины проникай спокойно;
 И мужеством руководишь.
 Брось прежнего мышленья формы,
 Когда в себя, собой

Ведомый, погрузишься.
Свет своеволя умертвив,
Возникнет свет духовный".

(Последующее от себя.)

Мне кажется, что я дыхание теряю,
Когда стремлюсь постигнуть смысл речей подобных.
Еще не знаю, что подумать мне,
Как уж испуг охватывает душу.
Как будто все, что окружало
Меня до сей поры в бытии моем,
Готово рухнуть и своим паденьем
В ничто меня повергнуть.
Увы... Читал я многократно,
Что следует за этим,
Но с каждым разом все грозней,
Все непроглядней темнота,
В которую я вброшен.

(Опять читает.)

"Вселенной мысль живет в твоём мышлении,
Вселенной сила ткёт у тебя в чувстве,
Вселенной суть в твоей созидает воле.
Утрать себя в мышлении вселенском,
Почуй себя вселенской силой,
Твори себя из духов воли.
Мышленья сонного игру
Не ограничь простором мировым
Начни ее в духовных далях
И заверши в души твоей глубинах; —
Богов найдешь ты цели,
Себя в себе познав".

(Он впадает в обморочное состояние и переживает в нём видение. Потом быстро приходит в себя.)

...Что было?..

(Три образа сил душевных парят над ним.)

Луна

Владеешь силою,
Чтоб в Духе воспарить.

В людском воленьи —
 Ее основа.
 Она в надежде
 Твоей упрочена.
 Закалена она
 В прозреньи лет грядущих.
 И лишь отваги нет,
 Чтобы излить в хотенье
 Свое доверие
 К просторам неизвестным.
 Отважься в бурю кинуться!

Астрид

У далей мира,
 У солнца радости, —
 У бездны звездной,
 У мироздания, —
 У голубых эфиров,
 У Духа горнего —
 Душевных сил ищи.
 И их лучи направь ты
 В глубины сердца, —
 Согрев тебя, познание
 В тебе себя создаст.

Другая Филия

Обманщицы,
 Дурные сестры,
 Хотят тебя опутать
 Обманной ворожкой.
 Но испарятся
 Дары, которые
 Тебе подносят,
 Когда ты примешь их,
 О человек!

Зовя тебя
 К мирам незримым,
 Они тебя погубят,
 Как только в царстве их
 Ты человеком
 Пребыть дерзнешь.

Капезий

Я слышал ясно
Здесь разговор существ...
Хоть несомненно мне,
Что никого здесь нет,
Что я один.

Так, значит, сам с собой я говорил?..
Немыслимо! О нет!
Я никогда б не смог придумать
Того, что здесь услышал...

И тот ли я,
Кем был до сих пор?

*(По его лицу видно, что он не может ответить
утвердительно.)*

Нет!.. Я не тот... Не тот!..

Голос духовной совести

**Так мысли твои нисходят
Во глубь существа человека.**

**Душа, что тебя облекала,
Дух, что в тебе пробился,
Отлетают к основам мира.**

**От их избытка
Испив, все люди
Живут в мышлении.**

**От их избытка
Ожив, все люди
Творят во внешнем.**

Капезий

Довольно мне!..
Капезий, где ты? Где?
Молю я вас,
Неведомые силы,
Где "Я" Капезия?
О, где я сам?..

(Он опять погружается в раздумье.)

Бенедикт

(войдя незамеченным, дотрагивается до его плеча)

Мне сделалось известно,
Что вы меня хотите видеть;
И вот, мой друг, я к вам пришел.

Капезий

Как благодарен я
За то, что вы явились.
Но вряд ли вы могли
Застать меня в тягчайшем состоянии!
Что после всех душевных мук,
Испытанных сейчас,
Я не лежу пред вами
В мгновение это на земле сраженным, —
Тому причиной лишь ваш кроткий взор.
Своей вы ласковой рукой
От страшных снов меня освободили.

Бенедикт

Известно мне, мой друг,
Что вы сейчас в борении жестоком.
Я знал уже давно,
Что так должны мы повстречаться.
Привыкнуть надо вам значенье слов менять,
Чтоб мы друг друга понимали.
Не удивляйтесь же,
Коль ваша боль изменит имя
На языке моем.
Я застаю вас в счастье!

Капезий

Скорбь множите мою,
Во тьму повергшую меня!
Я чувствовал, как "Я" мое
Вдруг в дали мировые воспарило,
А в оболочке существа чужие
Вели свою беседу.
Лишь тем, что наваждение

Признал я заблуждением
И заблуждением терзался:
Лишь тем одним я спасся.

Не отнимайте же опор моих!
Не называйте счастьем бред,
Не то — погибну я совсем.

Бенедикт

Лишь то мы можем потерять,
Что нас от сути мира отделяет.
Потерянным считаем
То, чем мы в суетном мышлении
Привыкли злоупотреблять.
Искать должны мы то, что потеряли.
Найдем его мы снова,
И лишь тогда мы посвятить
Способны труд свой людям.
Сейчас пытаться вас утешить —
Словесной было бы игрою.

Капезий

Учений, что лишь разум утоляют,
Найти у вас, я знаю, невозможно.
Я тяжко в этом убедился.
Ввысь устремляющим деяньям,
Деяньям, в бездну нас влекущим,
Подобны речи ваши.
И пламя жизни, и смертельный холод
В людские души льют они.
Как зов судьбы они волнуют,
Иль как любви житейской бури.
Я думал, я искал
Еще до встречи с вами;
Но творческие силы
И разрушенья мощь
Узнал я лишь
С тех пор, как следую я вам.
И то, что сделало со мною ваше слово,
Вы видели на мне,
Когда сюда ко мне явились.

Я мучался не раз,
Когда читал я книгу вашу.

Но ныне муки меру превзошли,
 И излилась вовне вся скорбь души моей
 При чтении книги роковой.
 Не мог своей душою
 Понять я ваши речи,
 Но словно жизни сок
 Мне в сердце слово излилось,
 Создавши мир волшебный
 И ясность от меня отняв.

Я призраков вокруг себя увидел
 И мог я непонятные слова,
 Звучавшие в душе больной, расслышать.

Я знаю, что лишь долю
 Того, что для людей храните,
 Доверили вы книге;
 Решение большинства загадок
 Даете лишь при надобности людям.
 Так дайте, в чем нуждаюсь я!
 Ведь знать я должен,
 Что, чувство с разумом отнявши,
 Меня объяло страшной ворожбой.

Бенедикт

Не только то одно мои слова содержат,
 Что в них уму доступно как понятие,
 Но также душу увлекают
 В действительности Духа.
 Их назначенье в том,
 Чтоб пробудить способность видеть
 В душе, приявшей их в себя.
 Не от меня они исходят.
 Те духи мне вручили их,
 Что знаками владеют,
 В которых откровенье кармы мировой.
 Вести к источнику познания —
 Призвание подобных слов.

Но предоставлено тем людям,
 Которые им в правде внемлют,
 Из родников испить духовные их соки.
 И соответствует намереньям моим,
 Что вознесли они и вас
 В мир, вас так ужаснувший.

Вошли и вы в то царство,
 Где встретит вас лишь бред,
 Коль в нем утратите себя.
 Но мудрости врата для вас оно откроет,
 Коль скоро самого себя
 В нем сохранить удастся вам.

Капезий

Но как же сохранить себя мне?

Бенедикт

Загадки разрешение вы найдете,
 Когда души отверстым оком
 Обилие чудес узрите,
 Что вскоре на пути вас повстречают.
 Вас к испытанию призывают
 И силы Духа, и судьбы владыки.

(Он уходит.)

Капезий

Хоть смысла слов его не понимаю,
 Но чувствую я на себе их силу.
 Мне цель мою преуказал он.
 Ему я повинуюсь.
 Он хочет от меня не мысли.
 Он хочет, чтоб я шаг направил
 В действительности Духа.

Мне неизвестна миссия его,
 Но мне внушает веру он.
 Через него я сам себя вернул.
 Пусть для меня сегодня
 Еще недостоверен
 Тот мир, меня так ужаснувший:
 Но все ж я встречу непредвзято
 Им прорицаемые откровенья.

Занавес, пока Капезий еще на сцене.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната для медитаций. Фиолетовый тон. Серьезное, но не мрачное настроение. Бенедикт, Мария; потом духовные образы, представляющие душевные силы.

Мария

В своей борьбе тяжелой я хочу
Услышать в этот час учителя советов мудрых.
Предчувствие темное сжимает сердце мне,
И сил не нахожу я
Противоборствовать тем думам,
Что душу мне обуревают.
Все существо мое изранили они.
Мне навязать обет они желают,
Что кажется кощунственным душе.
Иллюзиям, должно быть, я подпала.
О, дайте мне,
Молю, их победить!

Бенедикт

Все, что вам нужно от меня, вы
Получите всегда.

Мария

Я знаю, как с моей душою тесно
Иоанна путь соединен.
Связала нас тяжелая судьба.
И был в высоком царстве духов
Союз наш Божьей волей освящен.
Так ясно это для меня,
Как только истина ясна.
И все же содрогаюсь я,
Когда произнести должна
Кощунственные я слова —
Хоть в глубине своей душевной
Их явственно я слышу.
Едва решу, что их изгнала, —
Как вновь они уж раздаются:

"Должна Иоанна ты покинуть.
Идти с ним вместе больше ты не смеешь,
Коль уберечь от бед его желаешь.
Один он развиваться должен
И сам к своей стремиться цели".

Но слово стоит вам изречь —
И наважденье из души исчезнет.

Бенедикт

Знай! Скорбью ты искушена
Счесть истину за наважденье чувства.

Мария

Так... это правда?
О нет! Между учителя речами
И мной то наважденье вновь прокралось.
Еще раз мне ответьте!

Бенедикт

Тобой я понят верно.
Мой друг, чиста любовь твоя.
И тесно связан Иоанн с тобой;
Но пусть любовь не забывает,
Что мудрости сестра она.
Себе на благо Иоанн
Так долго связан был с тобой.
Но требует его дальнейший путь,
Чтобы свободно он к своей стремился цели.
Судьба не предрекает
Разрыва внешнего для вас;
Но требует она сурово,
Чтобы свободно действовал он впредь.

Мария

Обман! Опять обман!
Так вы договорить мне дайте!
Меня поймете вы.
Ведь наважденье не дерзнет
Вам исказить мои признанья.

Легко б мне было одолеть сомненья,
Когда его душа лишь на земных путях
Стремилась бы с моей душой соединиться.
Но связаны и посвященьем мы,
Соединяющим навеки.
И силы Духа, близость нашу
Благословляя, изрекли:

"Завоевал себе он правду
В духовном вечном царстве
Лишь потому, что в мире чувств
Он был соединен с тобою".

Как мне понять такое откровенье,
Когда обратное я правдой счесть должна?

Бенедикт

Ты испытать должна, сколь много
До зрелости не достаёт и тем,
Кто пережил уже не мало откровений.
Извилисты дороги высшей правды;
И тот лишь в силах разобраться в них,
Кто через лабиринт с терпением идет.

Одну лишь часть действительности всей
Ты в царстве света горнего узрела,
Когда раскрылось для души очей
Виденье стран духовных.
Оно не полная действительность.
Твоя и Иоанна души
Такою связью соединены,
Что предоставлено обоим вам
Найти дорогу в царство Духа
Чрез силы, что друг другу дали вы;
Но до сих пор не явлено ни в чем,
Исполнили все ль требования вы?
Вы созерцать могли в видении,
Что суждено вам в будущем изжить,
Когда чрез испытанья вы пройдёте.
Но, что показан вам стремлений плод,
Не значит ведь ещё,
Что уж достигли цели вы.

Виденье было вам.
Ему действительность придать
Способна только ваша воля.

Мария

Хотя во мне слова твои
За долгим счастьем порождают скорби,
Но выучилась я

Пред светом мудрости склоняться,
 Когда она приходит изнутри.
 И мне уже готово уясниться,
 Что было темным сердцу до сих пор.
 Но если ложный свет, в нас счастье порождая,
 Себя за истину столь властно выдает,
 То нелегко душевный мрак рассеять.
 Мне нужно больше, чем от вас имею,
 Чтоб я смогла следить за вашими речами.
 Вы привели меня к души первоосновам,
 В которых свет я обрела.
 И прежние могла я видеть жизни,
 Мне уделенные в веках, давно минувших.
 Познала я, как повстречалась
 Душа моя с душой Иоанна.
 И что в минувшее то время
 Я Иоанна привела к духовной правде.
 В том различить могла я семя,
 Что превратилось в дружбы плод в веках.
 И вечность этот плод благословила.

Бенедикт

Тебя достойною сочли
 Вступить на ту тропу земную,
 Что пройдена тобою
 Была в далеком прошлом.
 Но не забудь, однако,
 Спросить себя, — уверена ли ты,
 Что все свои пути способна ты увидеть,
 Когда назад ты взор свой обращаешь?

Мария (после минуты глубокого раздумья)

Как я могла столь ослепленной быть!

То счастье, что узнала я,
 Когда частицу прошлого узрела,
 Заставило меня забыть в мечтах обманных,
 Сколь мало мне дано.
 И ныне лишь я вижу,
 Что мне вглядеться надо в темноту,
 Коль я узнать хочу свой путь,
 Из настоящего в те времена ведущий,
 Когда душа Иоанна
 Со мной соединилась...

Обет даю я вам, учитель,
 Своей души гордыню усмирить!
 Известно ныне мне, как знаний суетность
 Нас искушать способна;
 Вместо того, чтоб силу
 Пить из даяний Духа, —
 Даянья эти
 Обычно применяем мы
 Для самолюбования.
 Но предостережение сердца
 Расслышать я сейчас могу.
 Снабдили силой вы его.
 И вижу, как от цели
 Еще пока я далека.
 Не буду больше торопиться
 Познания Духа толковать.
 Ценить в них буду силу,
 Что душу строить мне должна, —
 Не указанья,
 Которые мне заменяют
 Труды самостоятельных исканий.
 Когда б я следовала сим словам,
 Предписывающим мне скромность,
 То от меня бы не укрылось,
 Что лишь в свободе расцветет
 Богатая душа Иоанна,
 Коль вступит он на путь
 Своих самостоятельных исканий.
 Но истину познав,
 Себе я силы завоюю,
 Чтоб действовать в согласьи с долгом.

Но чувствую сильнее я теперь,
 Чем чувствовала это раньше,
 Что я стою пред трудным испытаньем.
 Когда из сердца люди вырывают
 Друг другом порожденную любовь,
 То ненависть им в этом помогает.
 Хоть связь свою они и сами разрывают,
 Но силы им дает влечение и страсть.
 А я должна своей свободной волей
 Изгладить действие моей душевной жизни
 На друга моего деянья и судьбу.

И все ж моя любовь должна во мне остаться.

Бенедикт

Ты правильный тогда лишь путь найдешь,
 Когда узнаешь ты
 То, что в любви своей всего ценила выше.
 Узнавши силу ту,
 Что правит бессознательно душой,
 Ты силу обрешь
 Исполнить, что повелевает долг.

Мария

Тем самым вы даете помощь,
 Столь нужную теперь моей душе.
 Я собственным своим глубинам
 Вопрос должна поставить:
 Что с силою такой любовь мою стремится?
 Я жизнь души своей в ее деяньях вижу
 И в существе самом, и в творчестве Иоанна.
 И удовлетворения
 Ищу я в отражении своем
 И бескорыстною себя я все же мню.
 Так, значит, я не сознавала,
 Что лишь **себя** я в друге отражаю.
 Не змий ли себялюбья
 Скрыть от меня пытался
 Влечения мои!

Сколь много есть у себялюбья форм, —
 Теперь я это вижу.
 Коль мнишь, что победил его, —
 С тем большей силой восстает
 Оно из-под развалин;
 И кажется еще сильнее,
 От нас под маской истины таясь.

(Мария глубоко задумывается.)

(Появляются три образа душевных сил.)

Мария

О сестры! Вы, которых
 Я нахожу в глубинах,
 Когда душа моя, расширясь,

В просторы мироздания
 Себя возносит, —
 Мне силу зренья вы даруйте
 В эфирных высях;
 По той стезе меня ведите,
 Где в бытии времен
 Я обрету себя,
 Чтоб путь найти могла я
 От жития бывшего
 В круг новых изволений.

Филия

Хочу исполниться
 Я светом душевности
 Из недр сердечных;
 Хочу вдохнуть в себя
 Я воли живую мощь
 От сил духовных, —
 Дабы сестре любимой
 В событиях жизни давней
 Почувствовался свет.

Астрид

Хочу сплести
 Начало личных чувств
 С волеьем преданной любви;
 Хочу избавить
 Зачатки волевые
 От уз желаний;
 Гнетущее томленье
 Преображу в духовное чутье, —
 Дабы сестре любимой
 В земных стезях минувших
 Себя найти опять.

Луна

Хочу я вызвать отреченность сердца
 Хочу упрочить мир, в душе носимый
 Чтоб обручились оба,
 И мощный свет духовный
 Из недр души вносили.
 Так пусть они проникнут,
 Пусть чуткий слух духовный

Направят в даль земную, —
 Дабы сестре любимой
 В далеких временах
 Следы житейские найти.

Мария

Когда б мне избавиться
 От лжи себялюбия,
 Когда бы отдаться вам,
 Чтоб вы бытие души
 Из далей миров отразили мне, —
 То стала б свободна я
 От этого круга житейского
 И обрела себя
 В ином бытии...

(После долгой паузы.)

Я существа в вас, сестры, созерцаю,
 Что в мироздании души оживляют.
 Способны силы вы, что в вечности зачаты,
 В нас довести до созревания.
 Через врата души дорогу уж не раз
 Я в царства ваши находила,
 Прообразы бытия земного
 Душою созерцая.
 И ныне ваша помощь мне нужна
 Затем, что я ищу дорогу
 Из этого земного бытия
 В давно минувшие дни земные.
 Освободите бытие души моей
 От самости в её текущей жизни.
 И укажите мне мой долг,
 Что из минувших жизней вырос.

Голос духовной совести

**Её мышление ищет
 Следов былого.
 Что виной ей осталось,
 Что как долг ей досталось,
 Восстань из недр душевных:
 Из коих люди
 Черпают в грёзах,
 Идя по жизни;**

**И в коих люди,
Из-за ошибок,
Себя теряют.**

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Розово-красная комната. Приветливое настроение. Иоанн перед мольбертом. Потом Мария; позже духовные образы душевных сил .

Иоанн

Молчала прошлый раз Мария
Перед холстом моим.
А раньше мне она всегда
От мудрости своей дарила
Все, в чем нуждалось творчество мое.
Насколько я в своем суждении
Себе не доверяю,
Решая, служит ли теченью
Духовному мое искусство,
Настолько верю ей.
И постоянно я то слово в духе слышу,
Которым был я осчастливлен,
Когда картину эту начал:

"Ты можешь, — мне она сказала, —
Отважно попытаться
То, что лишь в Духе зрит душа,
Явить для чувственного зренья.
Увидишь, что, подобно мыслям,
Овладевать материалом
Способны формы;
Что краски согревать,
Подобно чувству, могут.
Так горние ты царства сможешь
Явить в своем искусстве".

Проникшись силой этих слов,
Я отдаюсь надежде робкой
Ту цель когда-нибудь достигнуть,
Что мне поставил мудрый Бенедикт.

Перед холстом я часто медлил,
И дерзостью так часто мне казалось,

Р. Штейнер. GA 14. Испытание души

А иногда и просто невозможным —
 Изобразить в обилии форм и красок
 Видения своей души.
 Как можно животворный Дух,
 Столь чуждый органам земным,
 Доступный лишь очам души,
 Явить посредством красок,
 Из царства чувственности взятых?
 Так думал я не раз.

Но стоит, обособленность отбросив,
 И Духу истины служа,
 К творящим силам мира,
 Блаженство ощущая, вознестись,
 Вновь крепнет вера в то,
 Что в мистике искусство — столь же верно,
 Как духоведенье само.
 Я выучился жить со светом
 И познавать его деянья в красках,
 Как самый настоящий мистик.
 В том царстве, где ни формы нет, ни красок,
 Деянья Духа и бытие души я видел.
 И, веря в сей духовный свет,
 Себе способность я стяжал
 Терять себя в текучем море света
 И жить, любя, в струе горящих красок,
 И чувствовать власть духовных сил
 И в невещественном сиянье,
 И в духоносной жизни цвета.

(Незамеченная Иоанном входит Мария.)

А если мужества лишаюсь я,
 Тебя, мой друг, я вспоминаю.
 В огне твоём душевном
 Вновь согревается мой дух,
 И твой духовный свет
 Вновь силу веры пробуждает.

(Он замечает Марию.)

Ты здесь, мой друг?..
 Тебя я ждал нетерпеливо
 И все же не слышал, как ты вошла!

Мария

Приятно было убедиться,
 Что ты, мой друг, в свой труд настолько погружен,
 Что даже и меня забыл.

Иоанн

О, так не говори!
 Я б ничего создать не мог,
 Что не благословила ты.
 Нет у меня вещей,
 Не вызванных к бытию тобой.
 В огне любви я был тобой очищен,
 Чтоб создавать тот мир в своем искусстве,
 Что в красоте является тебе
 И, проясняя, согревая мир,
 Духовный, светлый прославляет край.
 Я чувствую, как из души твоей
 В мою потоки творчества струятся.
 И крылья чую, что меня возносят
 На выси, преисполненные Духа.
 О, как люблю я жизнь души твоей!
 Изображать могу ее с любовью.
 Лишь из любви творец черпает силы,
 Которые творенье оживляют.
 И если образы из царств духовных
 В мир чувственный внести я собираюсь,
 То мира Дух во мне явиться должен.
 Я должен стать орудием его.
 Сорвать я должен себялюбья путы,
 Чтоб не создать мне вместо царств духовных
 Случайных и обманчивых видений.

Мария

А если б должен был ты из себя —
 Не из меня — черпать вещей прообраз,
 То красота из глубины душевной
 Могла б гораздо целостней являться.

Иоанн

Нет! Призрачному я мышлению бы отдался,
 Когда б раздумывать решил, что делать мне:
 Воссоздавать твое ли вдохновенье

Или в себе искать исток видений.
Я знаю: так мне не найти истока.

Я в глубь души способен погружаться,
В мирах душевных чувствовать блаженство;
Я в царстве чувственном могу теряться
И в чудо красок проникать глазами,
В них творческие находя деянья.
Но если я один в душе своей,
То все, чем я в себе самом живу,
Не побуждает к творчеству меня.

Но если возношусь я за тобою,
В себе блаженно сопереживая
Все, что, мой друг, ты в Духе созерцаешь,
Я в созерцанье чувствую огонь,
Который в глубине моей пылает
И силы к творческим деяньям зажигает.

Когда б хотел я передать словами
То, что познать могу я в высших царствах,
Я собственной бы силой мог подняться
В те сферы, где вещает духу Дух.
Но, как художник, я в огне нуждаюсь,
Который изливается в сердца.
Смогу своей картине дать способность
Струить магический духовный пыл
Не ранее, чем у **тебя** из сердца
Я откровенья Духа изопью.

И Первосил, возжаждавших, сгущенье,
И творческих властей блистанье,
И то, как боги, человека чуя,
В бытии нуждаясь со времен начала,
Творят себя во тьме, — об этом повествуя,
Во времена незримые вводила
Меня ты. И пытался я сгустить
Незримое в эфире нежно-рдяном.
Я чувствовал, как краски сами жаждут,
В нас одухотворясь, себя увидеть.
Итак, душа твоя, не менее, чем сам я,
В моих картинах говорит с сердцами.

Мария

Иоанн, подумай, что, отъединенно
 От прочих душ, с начала мирозданья
 Сам должен развиваться человек.
 Любовь лишь обособленных связует,
 Но сохраняет в них их самобытность.
 И вот для нас мгновение наступает:
 Нам души наши испытать придется,
 Дабы и впредь мы по стезе духовной
 Себе на благо шествовать могли.

(Она уходит.)

Иоанн

Что это значит?
 Я слов ее совсем не понимаю!
 Я только за тобой иду, Мария!..

(Появляются три образа душевных сил.)

Луна

Найти себя не сможешь
 В душевном зеркале другого.
 Знай! Собственная сила
 Должна уйти с корнями в недра мира,
 Коль скоро красоту
 С вершин духовных в глубь земную
 Пересадить захочешь ты.
 Отважься на самобытие,
 Чтоб, укрепясь в душе своей,
 Себя пожертвовать мирам.

Астрид

Ты на путях своих вселенских
 Себя терять не вправе.
 Проникнуть к солнцу неспособен тот,
 Кто самобытности лишиться хочет.
 О, приготовь себя!
 Чтоб, одолев любовь земную,
 В глубоких недрах сердца
 Любовь вселенскую взлелеять.

Другая Филия

Сестер моих не слушай!
 Тебя уводят в дали мира,
 Земную близость похищая.
 Не видят, что любовь земная
 Вселенской родственна любви.
 На службе лишь они способны править.
 Тепла их силы не выносят.
 Увлечь людей они желают
 Из их глубин душевных
 В холодный высший мир.

Занавес, пока Иоанн, Филия, Астрид, Луна и Другая Филия еще на сцене.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же комната, что в первой картине. Капезий, Штрадер.

Капезий (входящему Штрадеру)

Приятно видеть мне того,
 Кто мне бывал противником не раз
 В словесных жарких битвах.
 Уже давным-давно
 В своем я вас не видел доме.
 А раньше здесь любили вы бывать.

Штрадер

Нет времени, мой друг.
 Вся жизнь моя так изменилась!
 Не мучу больше я свой мозг
 Мыслесплетеньем безнадежным.
 Все скопленные знания мои
 Я посвящаю настоящей,
 Полезной для людей работе.

Капезий

Так вы покинули исканий ваших путь?

Штрадер

Скажите лучше,
 Что я путем своим покинут.

Капезий

Какую же себе поставили вы цель?

Штрадер

Увы, не очень жизнь склонна
Указывать нам, людям, цели,
Что осознать бы мы смогли.

Как фабрика она.

В свои колеса втягивает нас —
Усталых же бросает в темноту,
Как только силы истощим в борьбе.

Капезий

Еще знавал я вас, когда отважно вы
В бытия загадки углублялись.
Но также видел я,
Как оказался в вас без почвы
Накопленных познаний клад.
И как с душою потрясенной
Вы горький кубок свой готовились испить.

Но все ж я был далек от мысли,
Что вы способны выбросить из сердца
Вас наполнявшие стремленья.

Штрадер

Тот день вы не забыли,
Когда провидица своим правдивым словом
Открыла мне тщету путей моих?
Признаться мне себе тогда пришлось,
Что мысль моя нигде
До подлинных ключей бытия не доросла.
Живет мышление в заблуждении,
Коль правды высочайшей свет
В той ясновидящей душе
Способен воссиять столь явно.
Наука строгая не тщетно ищет ли
Такого откровенья?

О, если б мне остаться
 При этом первом поражении научных грез!
 Я думаю, что я бы начал
 Опять сначала все исканья,
 Чтобы свою дорогу
 Соединить с той новою дорогой.
 Но стоило увидеть,
 Как этот необыкновенный Дух,
 Что бреднями казался мне,
 Бессилье в силу претворяет, —
 И сгинула надежда...

Вы помните художника,
 Которого мы вместе
 В исканьях смутных повстречали?

Судьбы ударом свергнут,
 Я долгие недели
 Почти в безумии провел.
 Когда ж меня в себя вновь привела природа,
 Я непреклонно уж решил
 Дальнейших избегать исканий.
 И долго продолжалась
 Тогда болезнь моя.
 Безрадостными были эти дни.
 Прилежно прикладной наукой
 Я в это время занимался.
 И фабрикой заведую теперь;
 Там делают винты.

Но и на том спасибо!

Зато я забываю за работой,
 Как я страдал в борении бесплодном.

Капезий

Признаться, лишь с большим трудом
 Могу узнать бывшего друга
 Я в собеседнике своем.
 Но неужели не знавали
 Вы кроме тех часов
 Еще иных,
 Когда бушуют бури с новой силой
 И вас стремят от жизни этой вялой?

Штрадер

Мне ведомы часы такие,
 Когда бессилие с бессильем
 Сражаются в душе моей.
 Препятствует моя судьба,
 Чтоб луч надежды новой
 И в жизнь потерянную вера
 В мое проникли сердце.

Я отрешенности желаю;
 Есть в отречение сила;
 Она создаст во мне способность
 Иначе направлять свои исканья,
 Когда мне путь земной придется повторять.

Капезий

Возможно ли! Убеждены
 Вы в правде перевоплощения?
 Завоевали, значит,
 Вы правду роковую
 На тех путях духовных,
 В которых и теперь
 Вы сомневаться все еще склонны?

Штрадер

Так сами третью вы причину указали,
 Из-за которой я
 Всю жизнь свою сначала начал.
 В последний раз, болея, пробежал
 Я всех познаний круг,
 Мною собранных в минувшем,
 Пред тем, как к новой цели вздумал обратиться.
 Сто раз я спрашивал себя:
 Чему естествознание учит
 При нашем современном кругозоре?
 И уж не уклониться:
 Закона перевоплощения
 Мышление отвергать не смеет,
 Коль не желает порывать
 Оно с усердными исканьями веков.

Капезий

Подобное переживание
 Меня б избавило от муки.
 Не раз, бессонницей томим,
 Я жаждал по ночам,
 Чтоб в этой мысли я нашел
 Свое освобождение.

Штрадер

А я... своих последних сил
 Был Духа молнией лишен.

В душе своей всегда потребность я имел
 Все проверять на фактах,
 Что кажется мышленью правдой.
 Случайно удалось мне в дни сомнений тяжких
 На собственной судьбе проверить,
 Как эта роковая правда жестока.
 Всей жизни радости и скорби жизни всей
 Являются плодом земных деяний наших.
 Как трудно примириться с этим!..

Капезий

Мне непонятны чувства ваши.
 Что омрачить способно эту правду,
 Которую всегда мы ищем?
 Она уверенность дает.

Штрадер

Так чувствуете вы.
 Я чувствую иначе.

Ведь мой житейский путь небезызвестен вам.
 Родителям моим
 Помеху создала случайность.
 Они хотели, чтоб я стал монахом,
 И часто говорили мне,
 Что величайшую должно бы было боль
 Им причинить отступничество сына.
 Ту боль я допустил —
 И многое еще,
 Что допускается, когда
 Рождение и смерть
 Считают гранями всех странствий на земле.

И жизнь моя в дальнейшем
 С надеждами разбитыми
 Казалась объяснимой целиком
 Из собственной природы для меня.

О, если б день, который к взглядам
 Другим привел меня, не наступил!

Но, знайте, рассказал я вам еще не все,
 Что рок на плечи мне взвалил:
 Не сын я вовсе тех людей,
 Хотевших сделать из меня монаха.
 Был этими людьми в младенчестве своем
 Я в дом из детских яслей принят.
 Родителей своих не знаю я.
 Так был уж в отчем доме я чужим.
 И я чужим всему остался,
 Всему, что я впоследствии испытал.

Меня мышление принуждает
 Направить взор во времена былые,
 Когда я мира сам себя лишил.
 И мысль нанизывается на мысли:
 Тот, кто блуждает по миру чужим,
 И кто чужим являлся уж тогда,
 Когда сознание не проснулось,
 Тот этой участи хотел
 До пробуждения в нем мышления.

А так как и остался я таким,
 Каким уже в детстве был,
 То больше я не сомневаюсь,
 Что, сам не зная, власти покоряюсь,
 Творящей мне судьбу земную
 И все ж мне не желающей открыться.

Каких еще мне надо доказательств
 Того, как густ покров,
 Мне бытие мое закрывший!

Без лженаучности судите же теперь,
 Мне правда новая могла ли свет явить?
 Но чрез нее познал я достоверно,
 Что должен я в сомнениях пребыть.
 Явила так она судьбу мою,
 Что ей отчасти с болью я,

Отчасти же с насмешкой
Плачу монетой той же.

Ужасно потрясен я был.

Насмешкой горькою томимый,
Себя я противопоставил жизни,
И над судеб игрою издеваясь,
Я отдал темноте себя.
Имел одно лишь я желанье:
Возьми меня, о фабрика бытия,
Но так, чтоб мне не сознавать тебя!

Капезий

Нет! Тот, кого я в вас познал,
Не может в пустоте подобной
Томиться долго, если б и желал он.
И я предчувствую то время,
Когда иначе встретимся мы с вами.

Занавес.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сельский ландшафт. Уединенный домик Бальде. Фелиция Бальде, Капезий; потом Феликс Бальде; затем Иоанн со своим Двойником; вслед за ними — Люцифер и Ариман.

Капезий (приближаясь к сидящей на скамье Фелиции Бальде)

Вы разрешите другу своему
Немного с вами посидеть?
Еще необходимей стал
Ваш тихий домик ныне для него.

Фелиция Бальде

Едва вдали завидела я вас,
Как уж усталый шаг ваш рассказал,
Когда же подошли вы ближе, — и глаза,
Что ныне скорбь в душе у вас живет.

Капезий (сидясь)

Вносить в ваш дом веселие и радость
 Мне никогда не удавалось.
 Сегодня же прошу о снисхождении,
 Коль я не ведающим мира сердцем
 Обитель мирную встревожу.

Фелиция Бальде

Вас и тогда уже встречали здесь охотно,
 Когда почти никто
 Еще наш дом не посещал.
 Хоть многое меж нами и легло,
 Вы нам остались другом
 И в эти дни, когда уж навещают
 Столь многие наш дом.

Капезий

Так, значит, правду слышал я,
 Что дорогой ваш Феликс,
 Доселе замкнутый такой,
 Общительнейшим человеком
 С недавних пор прослыл?

Фелиция Бальде

О да! Мой добрый Феликс
 Чуждался раньше всех людей.
 И вот теперь с людьми общаться принужден.
 В таком общении он видит новый долг.
 Был склонен он в былые дни
 Тому лишь сердцем доверять,
 Что повествуют лес и скалы —
 О мире Духа и природных силах.
 Да прежде ведь и не считался с ним никто.

Но как же изменилось время!
 Сколь многие стремятся жадно
 Теперь науку изучить,
 Которую он может им раскрыть.
 Она им прежде глупостью казалась.
 Когда мой добрый, милый муж
 Феликс выходит из дома.
 Часами должен говорить,
 О прошлом я тогда тоскую, —
 О днях, когда он мне серьезно заявлял,

Что тихо в сердце сохранять должна
 Душа духовные даянья,
 Что ей из царств духовных
 Даны, как благодать;
 И что предателем духовным станет тот,
 Кто передаст дары сии
 Тем, кто имеет чувственный лишь слух.

Феликс Бальде

Фелиция с трудом лишь привыкает
 К столь изменившимся условиям.
 От одиночества она страдала встарь,
 А ныне все грустит,
 Что времени так мало мы имеем
 Для собственных досугов.

Капезий

Но что вас побудило
 Доселе нелюдимый дом
 Для всех открыть гостеприимно?

Феликс Бальде

Повиновался я веленью духов,
 Что в сердце говорят,
 Когда они велели мне молчать.
 Но ныне требуют они,
 Чтоб говорил, — и говорю.
 Ведь человечество идет
 В развитии земном вперед.

На повороте мы времен стоим;
 Теперь премудрости частица
 Для всех людей должна открыться,
 Ее принять готовых в сердце.

Известно мне, как мало подхожу
 Я к формам, применяемым теперь.
 Для выраженья Духобытия
 Строжайшей логикою пользуются ныне люди.
 Считают, что ее я не имею.
 Находят, что для истинной
 Науки с прочными устоями
 Примером лишь я послужить могу

Того, как люди бредят,
 Когда без просвещения они
 К премудрости стремятся сами.
 Но ценно, думают иные,
 То, что в невнятице суждений
 Моих доводится порою им
 Понять умом своим земным.

Лишь безыскусственно могу
 Я откровенье
 Открытым сердцем уловлять.
 И внесловесных знаний я не знаю.
 Когда в глубины сердца погружаюсь,
 Или когда природе внемлю, —
 Живет во мне познание,
 Которое не ищет слов;
 Так связано оно со словом,
 Как люди со своей телесной формой.
 Познание, что таким путем
 Даруется из царств духовных нам,
 Полезно и непонимающим умам.

И потому ко мне прибегнуть вправе всякий,
 Кому важны такие сообщенья.

Я знаю, часто любопытство
 И худшее еще притягивает многих.
 Но пусть в существовании этом
 Значенья слов моих не понимают люди,
 Но добрый плод в них все же западет,
 И прорасти потом в них будет.

Капезий

Я сознаюсь чистосердечно,
 Что вот уж годы вам я удивляюсь.
 Но до сих пор не разумею смысла
 Диковинных и непонятных ваших слов.

Феликс Бальде

Их смысл поймете, несомненно.
 Ведь ищите вы с сердцем благородным.
 Наступит и для вас мгновение,
 Когда услышите вы Глас.
 Не знаете вы, сколь богат —

Подобье царств вселенских — человек.
 Его глава отображает твердь.
 И духи сфер в его созидут членах.
 И движутся в груди создания земли.
 Им противостоит в борьбе могучей
 Сонм демонов из лунных царств,
 Противоборствуя их устремленьям.
 То, что как человека видим мы,
 То, что мы чувствуем, как душу,
 То, что как Дух нам светит, —
 Пред сонмами богов витало изначально.
 И было волей их:
 Со всех миров соединив все силы,
 Из них построить человека.

Капезий

Меня почти пугает ваша речь.
 Венец божественных деяний
 Хотите в человеке видеть вы.

Феликс Бальде

Затем смирение тем необходимо,
 Кто жаждет духовиденья достичь.
 А кто в гордыни и тщеславии
 Желает познавать,
 Тому ворот познания не открыть.

Капезий

Как прежде уж, так и на этот раз
 Пусть милая Фелиция поможет
 Душе моей к виденьям обратиться,
 Дабы, на них согревшись, речи ваши
 В их настоящем смысле я постиг.

Фелиция Бальде

Не раз мой милый Феликс
 При мне об этом говорил.
 Из сердца моего
 Он силой слов своих рождал
 Виденья, о которых уж давно я
 Вам рассказать хотела.

Капезий

О, расскажите мне!
Да утолит мне жажду
Родник видений ваших.

Фелиция Бальде

Ну, что ж...
Жил-был на свете мальчик,
И был единственным он сыном лесника.
В уединении он рос.
Почти что никого он, кроме
Родителей, не видел.
Сложенья хилого он был,
Имел прозрачное лицо,
В глазах же он своих таил
Чудес духовных откровенья.
И хоть немногих он знавал
В лесном своем уединеньи,
Все ж не нуждался он в друзьях.

Когда в горах высоких
Пылало солнце золотое,
Его задумчивое око
В себя вбирало злато Божества;
И становилось сердце
Подобно утренним лучам.
Когда ж сквозь сумрак тучи
Луч утренний не проникал,
И горы мрачные окутывала скорбь,
Взор мальчика тогда тускнел,
И тихо он грустил.
Так отдавался он душой
Духовным силам своего мирка,
С которыми не менее был связан,
Чем с членами своими.
Деревья, травы и цветы
Он также чувствовал друзьями.
Духовные создания говорили
В их пестиках и чашах,
И понимал он этот шепот.
И чудеса миров незримых
Пред мальчиком вскрывались,
Когда общался он душой
С тем, что безжизненным

Казалось большинству.
 Родители не раз по вечерам
 Его искали понапрасну.
 Поблизости тогда он пребывал,
 Где из скалы струился горный ключ,
 Дробясь тысячекратно,
 Швырял об скалы капли водяные.
 Когда серебристый лик луны
 В волшебных бликов красочной игре
 В потоке отражался водяном,
 Просиживал у родника
 На скалах он часами.
 И образы существ духовных
 Он ясновидчески переживал
 В бурлящих водах и в мерцаньи бликов лунных.
 Слагались эти образы в трех жен.
 И с ним беседовали жены
 О том, к чему душою он стремился.

Когда однажды летней ночью он
 Опять у родника того сидел,
 Одна из жен, собравши мириад пылинок
 Из водяных стоцветных капель,
 Второй жене вручила их.
 И вот, серебряную чашу
 Из пыли водяной создав,
 Та третьей отдала ее.
 И, влив в нее серебристый свет луны,
 Вручила третья чашу
 Ему. Все это видел он
 Очами духа своего.
 В ближайшую же ночь
 Во сне ему приснилось,
 Что он драконом грозным
 Волшебной чаши был лишен.
 Трехкратно лишь впоследствии ребенок
 То чудо ключевое видел.
 С тех пор же он не видел жен,
 Хотя подолгу их он ждал
 У родника в мерцании луны.

И триста шестьдесят уж трижды
 Прошло недель. Давно ребенок
 Мужчиной стал. И на чужбину
 Из хижины лесной родителей своих
 В далекий город перебрался.

И вечером однажды,
 Измученный работой,
 Задумался он над своею жизнью.
 И вдруг почувствовал внезапно,
 Что к роднику перенесен.
 И водяных тех жен он пред собой увидел.
 И их на этот раз услышал.
 Одна жена сказала:

"О, помни обо мне всегда,
 Когда ты одиноким будешь.
 Я увлекаю взор души
 В эфира даль и в звездные просторы.
 Кто чувствует меня,
 Тому надежд напиток подношу
 В своей волшебной чаше".

Вторая изрекла:

"Не забывай меня в мгновенья,
 Грозящие твоей отваге.
 Порывы сердца направляю
 Я в высь духовную и в глубь души.
 Кто силы ищет у меня,
 Тому кую броню житейской веры
 Я молотом чудесным".

И так заговорила третья:

"Ко мне ты возноси духовный
 Свой взор, загадки разрешая.
 Мышленья нити я сплетаю
 В житейских лабиринтах
 и в душевных недрах.
 Того, кто доверяет мне,
 Того любви лучами озаряет
 Чудесное мое веретено".

В ближайшую же ночь
 Вдруг сон ему приснился:
 Все крался по кругам ужасный
 К нему дракон, но до него
 Дракон не мог добраться.
 То защищали от дракона
 Его те существа, которые за ним

От родника на скалах
Перебрались на дальнюю чужбину.

Капезий

Спасибо вам за все!
Обогатили вы меня!..

*(Встает и отходит.
Фелиция Бальде входит в дом.)*

Капезий

(отходя немного, один)

О, как целительно влияют на меня
Такие образы! Они мышленью
Утраченную возвращают власть.
Таким простым рассказ ее казался,
И все ж в мышленьи пробуждает силы,
Меня влекущие к мирам безвестным.
В прекрасном одиночестве хочу
Тем снам отдаться, что уже не раз
Меня обильем мыслей одаряли,
Которые оказывались лучше,
Чем плод многонедельных размышлений.

(Он исчезает за густым кустарником.)

Иоанн

(появляется в том же лесу, погруженный в глубокое раздумье)

Действительность? Иль сон?
Как вынесу я речи о разлуке,
Которые она со мной
Спокойно так вела?
Хотел бы думать я, что разум мой,
Наперекор влеченью Духа,
Меж нами протеснясь,
Иллюзии рождает.

Нет, не могу! Нет, не хочу я слушать
Таких советов от нее!
Сильнее их во мне душевный голос,

Что восклицает: "Я люблю ее!"
 И мне любовь моя — источник,
 Ключ творчества. Других я не хочу.
 Что мне весь творческий порыв,
 Что мне духовных целей созерцанье,
 Коль свет отнять они грозятся,
 Мне озаряющий бытие.
 Ведь жить могу я только в свете этом,
 А если он исчезнет,
 То я лишь вечной смерти возжелаю.
 Я чувствую, как силы тают,
 Когда помыслить я пытаюсь,
 Что я на путь вступаю,
 Не озаренный светочем ее.
 Мне зрение застилает
 Туман. И за туманом
 Все эти скалы и леса, обычно
 Столь ясные для взора,
 Вдруг в хаос превратились.
 И страшный сон встает из бездны.

О, как меня он потрясает...

О, сгинь от меня!

Я одиночества хочу,
 Дабы лелеять в нем мечты свои;
 В них я могу еще стремиться
 К утраченному мной.

Он не уходит?

Так от него я скроюсь...

(Чувствует себя как бы прикованным к земле.)

Какою цепью роковой
 На месте я прикован?

(Появляется Двойник Иоанна Томазия.)

Ах!.....

Кто б ни был ты,
 Ты человеческую ли имеешь кровь,

Или ты только дух,
Оставь меня!

Кто это?.....
Передо мной самим меня поставил бес . . .

Он не уходит.....

Я собственный свой облик вижу.
И кажется он мне
Сильнее самого меня.....

Двойник Иоанна

Люблю тебя, Мария...
С мятущимся сердцем,
С горячечной кровью
Стою я пред тобой.
Мне поглядишь в глаза —
И я в горячке трепещу.
А если руку ты свою
В мою влагаешь руку,
Блаженство чувствую
Во всем я теле.....

Иоанн

О призрак, из тумана сотворенный,
Как смеешь ты порочить
Священнейшие чувства?.....

Какое совершил я прегрешенье,
Что должен лицезреть
Кошунственное искаженье
Святой любви своей?.....

Двойник Иоанна

Так часто я словам твоим внимал.
Казалось, впитываю я душою
Весть из духовных высших царств,
Но все ж сильнее всех откровений
Твою переживал я близость,
И о путях душевных речи
Блаженство доставляли мне,
В моей крови вскипая.....

Голос Совести

То бред замолчанных,
Но все ж не изгнанных,
Как бы избегнутых,
В крови оставшихся,
Сокрытых сил
Страстей твоих.

Двойник Иоанна (несколько измененным голосом)

Тебя я не покину.
Меня теперь встречать ты часто будешь.
И я не отступлю,
Пока не уподобишь
Меня во всем тому,
Кем должен в будущем ты стать.
Еще ты ныне не таков.
В бреду обособленности своей
Ты мнишь себя таким.

(Появляются Люцифер и Ариман.)

Люцифер

О, победи себя!
Освободи меня!

Меня преодолел ты
На высоте душевной,
Но я остался связан
С тобой в твоих глубинах.
Всегда в своих скитаньях
Со мной встречаться будешь,
Коль от меня не сможешь
Вполне ты защититься.

О, победи себя!
Освободи меня!

Ариман

О человек, дерзни!
Меня переживи!

Себе Духопознание
 Завоевал ты;
 Я сердца жизнь за это
 Тебе испортил.
 Терпеть ты часто будешь
 Сильнейшую печаль,
 Коль пред моею силой
 Не склонишься смиренно.

О человек, дерзни!
 Меня переживи!

(Люцифер и Ариман исчезают. Также и Двойник. Иоанн в глубоком раздумьи уходит в сумрак леса.)

(Снова появляется Капезий. За кустарником он сопережил в форме видения всю встречу Иоанна с Двойником.)

Капезий

Что испытал я? Тяжкая печаль
 Владела мной... Дорогой шел Томазий,
 В раздумье погруженным он казался,
 И как бы разговаривал он с кем-то.
 Но никого с ним рядом я не видел.
 Я чувствовал как бы испуг тяжелый.
 Пропало все, что видел я вокруг.
 Как бы во сне и без сознания
 В тот мир видений погрузился я.
 Их вспоминаю с ясностью теперь.
 Не долго я, должно быть, пребывал
 В самозабвении, грезя наяву.
 И все же, сколь богатым был тот мир,
 И сколь чужим он кажется душе.
 И мог людей я из времен минувших
 Так ясно видеть и их речи слышать.
 Пригрезился духовный Орден мне,
 Что к благу человечества стремился;
 Среди других себя узнал я ясно.
 И все казалось мне таким знакомым...
 Лишь сон?.. Но этот сон меня потряс.
 Я знаю, в этой жизни, несомненно,
 Не испытал я ничего такого.
 И ощущение, что во мне осталось,
 Реальной жизнью душу наполняет.

Меня виденья мощно привлекают.
О, если б этот сон опять увидеть!

Занавес, пока Капезий еще на сцене.

*Последующее разыгрывается в первой трети четырнадцатого века.
Впоследствии эти события оказываются ретроспективными видениями
Капезия, Томазия и Марии — воспоминаниями об их прошлом земном
существовании.*

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лесная лужайка. Сзади высокие скалы с замком на них. Летний пейзаж. Крестьяне, еврей Симон, горный мастер Фома, Монах . Крестьяне, проходя по лужайке, останавливаются, беседуют друг с другом.

1-й Крестьянин

Вот злой еврей, смотрите!
Он не посмеет
Дорогой нашею пройти.
Услышит он такое,
Что уши длинные закроет.

2-й Крестьянин

Когда-нибудь мы наглеца
Еще почувствовать заставим,
Что не хотим мы больше видеть
Его на родине своей, —
Куда непрошено пробрался он.

1-я Крестьянка

Он под защитою у знатных
Господ, что в замке обитают,
Куда никто из нас войти
Не смеет. Он же вхож туда,
Затем, что рыцарям он служит.

3-й Крестьянин

Кто Богу, а кто аду
Слуга — попробуй-ка, узнай!
Мы рыцарей должны благодарить:

Дают они и хлеб нам, и работу,
И чем мы были бы без них.

2-я Крестьянка

А я хвалю еврея,
Меня он от болезни тяжелой
Своим лекарством исцелил,
И был при том столь добр ко мне.
И многим он в болезнях помогал.

3-я Крестьянка

Но мне один монах поведал,
Что силою бесовской лечит он.
Его лекарство яд содержит.
Меняется лекарство в теле,
Давая доступ всем соблазнам.

4-й Крестьянин

Те, кто у рыцарей на службе, —
Те старины не уважают.
Те говорят, что много знает он
Полезного для всех,
И что в грядущем труд его почтят.

5-й Крестьянин

Да. Новое наступит время;
Его я в Духе прозреваю,
Когда мне образы души являют
То, что незримо для очей телесных,
И то, что рыцари создать желают.

4-я Крестьянка

Блюсти должны мы верность церкви.
От адских мук, диавола и смерти
Одна она спасает души.
Монахи предостерегают
От рыцарей и от еврея.

5-я Крестьянка

Еще короткий только срок
 Нам выносить придется иго,
 Что рыцари на нас взвалили.
 В руины скоро превратится
 Их замок... Так открылось мне во сне.

6-я Крестьянка

Страшусь я прегрешений тяжких,
 Когда мне говорят,
 Что эти рыцари нас губят.
 Я лишь одно добро от них встречала,
 И христианами должна я их считать.

6-й Крестьянин

Как будут люди жить в грядущем,
 Об этом предоставим думать
 Мы будущим потомкам.
 Для рыцарей мы лишь
 Орудие искусств бесовских,
 Которым с христианством
 Сражаются они.
 Лишь если их изгонят,
 Свободными мы станем
 И сможем жить, как захотим,
 В стране своей родимой.
 Ну, а сейчас — к вечерне поспешим;
 Мы там найдем, что душам нашим нужно
 И согласуется с обычаем отцов.
 А новые ученья не для нас...

(Крестьяне уходят. Из леса выходит еврей Симон.)

Симон

Насмешку, ненависть со всех сторон
 Я постоянно слышать обречен.
 И все ж всегда испытываю боль,
 Когда опять я подвергаюсь им:
 Не вижу оснований для того,
 Чтоб так со мною люди обращались.
 Но часто мысль преследует меня:
 Раз правда то, что смысл лежит во всем,
 Что мы в душе своей переживаем,
 Тогда ведь обосновано и то,

Что соплеменники мои так страждут.
 Но, на хозяев замка посмотрев,
 Я вижу сходство их судьбы с моею.
 Избрали лишь сознательно они,
 К чему меня природа принуждает.
 И всех людей сторонятся они,
 Чтоб силы развивать в уединеньи
 И цель свою достичь при их посредстве.
 И чувствую к судьбе я благодарность,
 Что одиночеством я был благословлен
 И, на уединенье осужденный,
 Отдался царству знаний я вполне.
 И мне открылось из моих раздумий,
 Что наше время новых целей ждет.
 Должны для человечества раскрыться
 Безвестные законы естества;
 Мир чувств земных себе оно стяжает
 И из него всем силам даст развиться,
 Способным человечеству служить.
 И все я сделал, что я сделать мог,
 Чтобы развить искусство врачеванья, —
 И этим я для братства нужен стал.
 В своих поместьях братья разрешили
 Те силы, что в растениях живут
 И что в земных скрываются глубинах,
 Исследовать на пользу медицине.
 Так действую в согласьи с ними я.
 И с радостью немало уж плодов
 Успел сорвать я на своей дороге.

(Уходит в лес.)

*(Горный мастер Фома выходит из леса.
Его встречает Монах.)*

Фома

Здесь посидеть мне хочется немного.
 Душа моя нуждается в покое
 За бурею, которой я застигнут.

(Подходит Монах.)

Монах

Мой стойкий сын, приветствую тебя!
 Ты здесь уединение нашел;
 И после всех трудов ты хочешь мирно
 К духовным царствам помыслы направить.
 Тебя таким я лицезрю охотно.
 Но отчего в глазах твоих печаль?
 Как будто душу мучают заботы?

Фома

Как близко скорбь от высшего блаженства,
 Я в этом горько ныне убедился.

Монах

Так счастье с болью ты постиг совместно?

Фома

Я вам открыл, высокий господин,
 Что я люблю смотрителеву дочку,
 И платит мне взаимностью она
 И жизнь со мною разделить готова.

Монах

Она с тобою неразлучной будет.
 Она ведь церкви преданная дочь.

Фома

Такую лишь я в жены взять могу,
 Раз я обрел, возлюбленный учитель,
 В вас истинное благочестие.

Монах

Скажи мне, ты в душе своей уверен,
 Что не сойдет и впредь она с пути,
 Который показал я ей, как правду?

Фома

Как правда то, что сердце есть во мне,
 Так правда, что я сыном вашим буду

И верность всем ученьям соблюду,
Которые из ваших уст слышал.

Монах

Раз поделились вы со мною счастьем,
Так дайте же узнать и скорби ваши.

Фома

Я жизнь свою рассказывал не раз.
Едвг лишь я из детских вышел лет,
Как странствовать пустился я по миру.
В местах различных мне пришлось работать.
Желание лелеял в сердце я:
Найти отца, которого любил я,
Хоть от него добра я и не видел.
Он мать мою предательски покинул,
Чтоб без жены и без детей, свободно
И без помех начать всю жизнь сначала.
Дух приключений увлекал его.

В то время родилась моя сестра;
И мал я был, когда он нас покинул.
А вскоре мать от горя умерла.
Моя сестра попала к добрым людям, —
Покинули они места родные вскоре.
Я потерял сестру свою из виду.
Поддержанный родными, изучил
Я дело горное и преуспел
Настолько в нем, что мог везде работать.
Но никогда я не терял надежды,
Что своего отца найду я снова.
И вот, когда надежда вдруг сбылась,
Я в тот же миг навек ее лишился.

Я был обязан по делам служебным
Вчера явиться к своему начальству.
Вы сами знаете, как чужд мне рыцарь,
Руководящий здесь трудом моим,
С тех пор, как знаю я, что вам он враг.
С тех пор я принял твердое решение
Слугою рыцарей не оставаться.
Но этот рыцарь так повел беседу
Со мной, по неизвестным мне причинам,

Что смог он мне в течение разговора
Как мой отец открыться достоверно...

Что было после!.. Лучше б умолчать мне!..

Я был готов уж позабыть все горе,
Что он и матери, и мне доставил,
Когда стоял я так перед отцом,
А он о прошлом с болью говорил.

Но **ваш** противник был передо мной.
И лишь в одном я ясно убедился:
Что между нами вдруг разъясась бездна,
Что вновь утрачен тот, кого любил я,
Кого так долго я с тоской искал.
И так утратил я отца вторично.
Какие чувства пережить пришлось мне!

Монах

Знай: никогда тебя бы не лишил я
Привязанности родственной твоей,
Но, что я дать могу твоей душе,
Должно всегда даваться ей в любви.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Одна из комнат того замка, который издали был виден в предыдущей картине. Везде символы Мистического Братства.
Собрание духовных рыцарей; вслед за тем Монах с одним из рыцарей. После этого явление Духа Бенедикта, умершего лет за пятьдесят до этого времени. Люцифер и Ариман. Гроссмейстер с четырьмя братьями за продолговатым столом.

Гроссмейстер

Вы, что мне спутниками стали
В искании высоких идеалов,
Которые из царств духовных
В земных деяний сферу
Вносить наш Орден призывает,
Со мной бок о бок вы должны
Стоять и в дни заботы тяжелой.
С тех пор, как дорогой наш мастер
Пал жертвою той темной власти,
Которая, из зла черпая силы,

Соппротивлением своим
 Все ж мудрости предначертаньям служит,
 Зло претворяющим в добро, —
 Бесплодны с той поры земные устремленья наши.
 Уже успел наш враг за это время
 Занять немало наших замков.
 И многие из наших братьев
 Ушли вслед за гроссмейстером, сражаясь,
 В край светоносный Жизни вечной.
 И скоро, скоро час наступит,
 Когда и эти стены рухнут,
 Что нам защитой служат.
 Выискивают уж враги повсюду,
 Как бы отнять у нас богатства наши,
 Которыми не для себя владеем,
 В которых видим только средство
 Привлечь к себе людские души,
 Способные принять
 Духовное зерно для лет грядущих, —
 Дабы возшло, как только души эти
 Вернутся снова из духовных царств
 В существование земное.

1-й Церемониймейстер

Что подчиниться мы должны
 Судеб неизъяснимой воле,
 Мне кажется понятным;
 Но то, что гибель целого влечет
 И гибель стольких братьев наших, —
 То справедливо ль пред законом мировым?
 Не жалуюсь я, нет!
 С готовностью погибли братья.
 Но понимания я жажду
 Той жертвы, что хотят от человека,
 Который с целым жизнь свою связал,
 Коль скоро целое судьбою
 Вдруг осуждается на гибель.

Гроссмейстер

Жизнь каждого из нас премудро
 С вселенским планом соединена.
 В рядах духовных братьев
 Немало есть способных послужить
 Задачам Ордена своей духовной силой

И все ж имеющих на жизни пятна.
 Должны пути неправедные сердца
 Стяжать в страданиях искупленье,
 Во имя целого страдания претерпев.
 А тот из нас, кто, сам не провинившись,
 Пройти тернистый должен путь,
 Из кармы Ордена возникший, —
 Тот в муках завоюет власть
 Подняться к жизни вековой.

1-й Церемониймейстер

Так, значит, Орден вправе
 Терпеть среди сочленов
 Тех, кто с нечистой душой
 Служить дерзает целям наивысшим?

Гроссмейстер

Добро лишь тот способен в душах весить,
 Кто наивысший труд свершает,
 И справедливости дает вселенской
 Грехи людские искупить.
 Сюда к себе я вас призвал теперь, о братья,
 Дабы сурово вам напомнить
 В дни наступающего горя,
 Что умереть нам должно ныне
 Во имя цели нашей, для которой жить
 Мы клятву все давали.
 И вас тогда лишь братьями сочту я,
 Когда откликнетесь отважно всей душою
 На мудрый Ордена девиз:

"Пожертвуй обособленную жизнью,
 Коль хочешь видеть Духа цель
 Сквозь чувств земных завесу;
 И коль принять стремишься
 В свою людскую волю
 Ты Духа волю мировую".

1-й Надзиратель

Высокий мастер, если б испытать ты
 Желал сердца всех братьев наших,
 То отзвуки священных этих слов
 Ты явственно бы в нас расслышал.

Но нам из уст твоих услышать важно,
 Как понимать нам нужно,
 Что враг с поместьями и жизнью похищает
 От нас еще и души,
 Лелеемые нами?

Ведь с каждым днем для нас все очевидней,
 Что не насилие одно
 Людей сдаваться принуждает.
 В них ненависть бушует
 К путям, что мы им указали.

Гроссмейстер

"То, что мы в душах насадили,
 Пусть как бы и умрет на время;
 Но вновь на землю возвратятся люди,
 Что здесь дышали светом нашим, —
 И дело наше в мир внесут они". —

Так часто говорит со мной
 Великий вождь из царства мертвых,
 Когда я в душу погружаюсь
 В часы моих раздумий тихих
 И пробуждаю силы
 Для пребывания в царстве Духа.
 Учителя я чувствую тогда,
 Его словам я внемлю,
 Как часто я внимал им
 В земном существованье.
 Не о конце для нас вещает он,
 А лишь об исполнении целей
 Во временах позднейших.

(Гроссмейстер и два брата уходят. Двое остаются.)

1-й Надзиратель

Так о духовных царствах повествует он,
 Как повествуем мы о городах иль селах.
 Как тяжело слушать эту речь
 Высокопосвященных братьев
 О бытия сокрытых царствах!
 И все же предан всей душой
 Я Ордена мирским задачам.

2-й Церемониймейстер

Учителя я помню наставленья:
 Тот, кто без полной веры
 Приемлет откровенье
 О скрытых царствах Духа, —
 Отнюдь не дара тот лишен
 Понять такое откровенье.
 Лишен другого он:
 Что членом высших этих царств
 Еще он не достоин стать,
 Он чувствует, но признавать не хочет.
 В его душе должны иметься пятна,
 Которых он не хочет видеть,
 Коль духоведенья не принимает он.

*(Оба уходят. В той же комнате появляется Монах.
 К нему подходит второй Надзиратель.)*

2-й Надзиратель

Что привело вас в этот дом,
 Где видите вы лишь врагов?

Монах

Все, кто людской имеют облик,
 Тем самым мне друзья.
 Так наш устав гласит суровый.
 Но счесть вы сможете враждебным,
 Что должен я потребовать от вас.
 Я тут по повеленью высших лиц,
 Что мирными хотят путями
 Вернуть себе церковные угодья,
 Что нам по старой грамоте принадлежат.
 Участок, вами в копи превращенный,
 Был собственностью нашей церкви,
 И незаконен был тот способ,
 Как вы приобрели его.

2-й Надзиратель

По праву ли владеем мы землей,
 Об этом судьи долго спорить могут.
 Но в высшем смысле слова говоря,
 Имеем на нее мы право.

Участок в невозделанном был виде,
 Когда купили мы его.
 И вы не ведали того,
 Что в глубине земли сокровища таятся.
 Мы их своим усердием добыли.
 И ныне мы на благо людям
 И в отдаленнейшие земли шлем богатства.
 И многие теперь трудятся
 На самом том участке,
 Где пустырем одним владели вы.

Монах

Так, значит, не угодно вам
 Признать за нами право наше
 И полюбовно с нами сговориться
 О том, как нам вступить в свои владенья?

2-й Надзиратель

Раз мы не сознаем вины,
 Напротив, верим в правоту свою,
 То ожидать спокойно можем, —
 Вам не угодно ль будет и теперь
 На сторону свою привлечь несправедливость.

Монах

Пеняйте же тогда вы на свое упорство,
 Коль примем против вас другие меры мы!

2-й Надзиратель

В том Орден видит честь свою,
 Что, лишь сражаясь,
 Он прав лишается своих.

Монах

Исполнил порученье я,
 И не о чем теперь нам говорить друг с другом.
 Нельзя ли повидаться
 Мне с господином вашим?

2-й Надзиратель

В свидании он не откажет вам,
 Но вам придется малость подождать.
 Он сразу вас принять не сможет.

(Он уходит.)

Монах

О, как тяжел мой долг!
 Пришлось мне посетить сей замок ненавистный!
 Мой взгляд повсюду тут встречает
 Греховные, диавольские знаки.
 И я почти охвачен страхом.
 По зале пробегает шелест, гром...
 И чувствую вокруг себя я злые силы.

Но за собой грехов не знаю я,
 Готов с врагами я сразиться.

О, как ужасно!..

О!.....

(Появляется Дух Бенедикта.)

Благая сила, защити!..

Бенедикт

Одумайся, мой сын!
 Не раз к тебе я обращался,
 Когда твоя молитва
 В духовный мир тебя вводила.
 Так слушай же с бесстрашием и ныне
 То, что ты должен знать,
 Чтоб вместо темноты духовный свет
 Руководил душой твоей.

Монах

Когда в вопросах важных
 О разумеенье я молился
 И жаркою молитвой
 В духовный возносился мир,
 Ты мне являлся, мой учитель, —
 Ты, что наш Орден озарял

В земном своем существованье.
 Ты говорил из царств духовных,
 Мне просвещая ум
 И укрепляя плоть.
 Тебя душой я созерцал
 И духом я тебе внимал.
 И как всегда готов внимать я ныне
 Тем высшим откровеньям,
 Которыми меня ты удостоишь.

Бенедикт

Находишься ты ныне в доме братства,
 Подозреваемого в ереси духовной.
 Ведь здесь как будто ненавидят,
 Что любим мы, и превозносят грех.
 И в том свой долг находят братья наши,
 Чтобы способствовать еретиков паденью.
 Притом, на те слова они склонны ссылаться,
 Что я произносил при жизни.
 Не ведают, что эти речи
 Пребудут лишь тогда живыми,
 Когда изменят их, но в надлежащем смысле,
 Последователи трудов моих земных.

Так дай в душе своей возникнуть
 Ты с вашим новым временем в согласие
 Всему, что на земле я мыслил в прошлом.
 И Ордена мистическую цель,
 Что из духовных взята царств,
 Пытайся увидеть в том свете,
 В каком ее бы сам я ныне видел,
 Когда б дано мне было
 Вновь на земле меж вами очутиться.

Высоким целям служит Орден сей.
 И люди, что к нему примкнули,
 Грядущие эпохи созерцают.
 А Ордена вожди провидят уж теперь
 Плоды, что только в будущем созреют.
 Наука и житейский быт изменят
 Все существующие цели.
 И братство, что ты хочешь погубить,
 Способствовать стремится уж теперь
 Такому изменению всех целей.

И только, если мы соединим
Цель братьев наших с целью высшей,
Поставленной еретиками, —
Наступит счастье на земле.

Монах

Как мог бы я последовать совету,
Даваемому вами?
Он так всему противоречит,
Что до сих пор мне истиной казалось!

(Появляются Ариман и Люцифер.)

Но около тебя я вижу
Еще существ. О, что им нужно?

Ариман

Прими советы из другого места.
Сам видишь ты, как трудно
Исполнить указания предка.
Так вспомни, что в блаженном царстве он живет.
И требования небес
Тут, в современности земной,
Создать смятение лишь способны.
Подъемли взор к его вершинам,
Коль хочешь счастье испытать,
Что могут подарить вам духи,
Но лишь в грядущие земные дни.
Но если действовать ты хочешь,
Как следует, то повинуйся
Земному разуму и чувствам.

Ты верно разобрался
В духовных рыцарей опасных прегрешеньях,
Которые они от всех скрывают.
По ним ты видишь, что их цели могут
И в грешных душах также пребывать.
Как, изучив все это, смог бы ты
Стремиться к миру с их греховным братством?
Ведь заблуждение — почва злая,
И добрый плод взрастить не может.

Люцифер

Знай, праведность твоя
 Путь истинный тебе являет.
 Хоть и меняются эпохи,
 Но не еретикам
 Предписывать пути и цели.
 Всего опасней в их духовном братстве, —
 Что учат истине они,
 Но направление ей дают они
 Такое, что опаснее
 Она, чем заблуждение.
 Кто лжи, как откровенью, служит,
 Тот заблуждению подпал,
 Когда серьезно хочет
 Вести людей за заблуждением.

Но эти рыцари весьма умны:
 Они взывают к имени Христа,
 Затем, что Имя отворяет двери,
 Ведущие к людскому сердцу.
 К противополообразу Христа
 Легко привлечь сердца людские,
 Когда его Христом ты назовешь.

Монах

Звучат, смущая, из миров душевных
 Те голоса, что я не раз
 Уже слышал. И благочестья
 Противники они.

На правый путь вступить смогу ли,
 Когда враги его мне хвалят?

Уж усомниться я готов.....

Но нет! Я не помыслю этих слов.
 Учитель мудрый мне поможет.
 Раскроет он значенье слов, пока
 Столь темных для меня.

Бенедикт

Путь правый я тебе открою,
 Когда проникнешься ты всей своей душой
 Словами, что изрек я на земле.
 И коль проникнуться захочешь

Слов этих жизнью в мире том,
В котором ныне видишь ты меня,
Тебе указан будет правый путь.

Занавес, пока все остаются в комнате.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Тот же зал, что в предыдущей картине. Первый Надзиратель, Иосиф Кюне, потом Гроссмейстер с Симоном; позднее — первый и второй Церемониймейстеры. На сцене Иосиф Кюне; к нему подходит Надзиратель.

1-й Надзиратель

Хотели вы беседы
Со мною... В чем же дело?

Иосиф Кюне

Вопрос, меня приведший к вам, —
Он важен для обоих нас.
Вы знаете ль Фому, который
Работает на копиях?

1-й Надзиратель

Его я знаю хорошо.
И умный труд его мы ценим.
И любят искренно его
Кто под началом у него.

Иосиф Кюне

Конечно, знаете и дочь мою Цецилию?

1-й Надзиратель

Да, видел я ее,
Когда встречался я с семейством вашим.

Иосиф Кюне

Случилось так, что часто
К нам стал захаживать Фома,
С тех пор, как прибыл он сюда.
И приходил все чаще.

Мы видели, как вскоре к Цилли нашей
 Любовью он проникся.
 Не очень это удивило нас,
 Но долго мы не помышляли,
 Что может полюбить его и Цилли:
 Она молитвой лишь жила
 И всех людей она бежала.
 Но видим все яснее,
 Что этому чужому
 Она всем сердцем отдалась.
 И раз уж это так,
 Препятствовать желанию ее
 Мы более не можем.
 С Фомой она
 Вступить желает в брак.

1-й Надзиратель (неуверенно)

Но почему же вы их брака не хотите?

Иосиф Кюне

Высокий господин!
 Вы знаете, как предан братству я.
 Как тяжело мое страдало сердце,
 Когда пришлось узнать, что посвятила
 Любовь свою Цецилия врагам,
 Что нас еретиками называют.
 Глава соседнего монастыря, монах,
 Что с Орденом враждует уж давно,
 Совсем завоевал всю душу нашей Цилли.
 Пока она живет под кровлею моей,
 Надежды я не потеряю,
 Что к свету вновь она из мрака
 Духовного отыщет путь.
 Но навсегда ее утрачу,
 Когда она женою станет
 Того, кто так же, как она,
 Во всем монаху подчинен.
 Как быстро этот ловкий патер
 Во все воззрения свои
 Фому вполне уверовать заставил.
 И с содроганьем я внимаю
 Проклятьям, что из уст Фомы исходят,
 Когда ругает братство он.

1-й Надзиратель

Врагов у нас так много.
И не имеет уж значенья,
Что их число возросло на одного.
Из ваших слов понять я не могу,
Какое к браку их имею отношение?

Иосиф Кюне

Высокий Господин! Вот сверток.
Он верные свидетельства хранит.
Доселе только я с женою их читал.
Во всей стране о них не ведает никто.
Высокий Господин! Сегодня
И вы о них узнайте.
Та девушка, что дочерью моей
Считается, — совсем не дочь моя.
А был ребенок взят на воспитанье нами
Со дня, когда скончалась мать его.
И то, что вам еще услышать надлежит,
От надобности нас освободит
Рассказывать о том, как все произошло.
Не знали долго мы, кто девочки отец.
Она же этого не знает и теперь.
Меня отцом она считает.
И так могло бы навсегда остаться;
Ведь любим мы ее, как дочь родную.
По смерти матери, лишь много лет спустя,
Из этой грамоты нам сделалось известно,
Кто девочки действительный отец.

(Надзиратель становится окончательно неуверенным.)

Не знаю, знаете ли вы,
Но несомненно мне,
Что вы — её отец.

О том не стоит больше говорить.

Но раз идет вопрос о дочке вашей,
На помощь вашу я надеюсь.
Быть может, нам вдвоем удастся
Ребенка вашего спасти из мрака.

1-й Надзиратель

Мой Кюне! Вы всегда
 мне были верным другом.
 И в будущем на вас я полагаюсь.
 Пусть в стенах этих, так же как за ними,
 И впредь никто не заподозрит,
 Как с этой девушкой я связан.

Иосиф Кюне

Я обещаю это вам.
 Вредить вам я не стану.
 Прошу лишь о поддержке вашей.

1-й Надзиратель

Поймите, что сегодня мне
 Беседу трудно продолжать.
 Наведаться ко мне прошу вас завтра.

Иосиф Кюне

До завтра, сударь! . . .

(Кюне уходит.)

1-й Надзиратель (один)

Исполнилась жестокая судьба!
 В нужде жену я и детей
 Покинул, чтоб свободным стать.
 И путь исканий суетных моих
 Меня привел в духовный Орден сей.
 И обязался я в возвышенно звучащих
 Словах трудиться для людского блага.
 Отяготил я свой обет виною,
 Из противоположных чувств возникшей,
 Но братства Промысел премудрый
 Сказался ясно и на мне.
 Случилось так, что был я в Орден принят,
 И подчинился я уставам строгим.
 И приведен я был к самопознанию,
 Которое в других условиях
 Во мне б, конечно, не проснулось.
 Когда ж по воле Божьей
 Со мною встретился мой сын,

Я возомнил, что милосердный Бог
Путь искупленья мне преуказал.

Я знал давно, что Кюне воспитал
Дочь, так жестоко брошенную мною.
Погибель братству нашему грозит,
И встретят братья мужественно смерть,
С сознанием, что все же цель пребудет,
Которой в жертву жизнь приносим.
Но чувствовал я уж давно,
Что недостоин я такую смерть принять.
И укреплялся я все больше в том,
Чтобы во всем Гроссмейстеру признаться
И попросить, чтоб он меня уволил.
Тогда себя я посвятил бы детям,
И постарался в жизни сей земной,
Насколько можно, искупить свои грехи.

Но не сыновняя любовь
Свела со мной на этих днях Фому,
Как думал в сердце он своем.
Нет, кровные сказались узы,
Которыми с сестрой он связан.
Отцовская несправедливость
Любовь сыновнюю убила.

Иначе не сумел бы завладеть
Монах его душою.

Так велико монаха торжество,
Что вместе с сыном и родную дочь
Он у отца отнять сумел.
И мне осталось лишь одно:
Все так устроить, чтобы дети
Всю правду о себе узнали,
И ждать смиренно искупленья
От тех властей, что жизни наши
Заносят в книгу долговую.

(Надзиратель уходит.)

* * *

(Несколько спустя входят в зал Гроссмейстер с Симоном.)

Гроссмейстер

Отныне, Симон, в замке вы живите!
 С тех пор, как выдумка о колдовстве
 Распространилась, вам ходить опасно
 Вне этих стен, вне Ордена владений.

Еврей

Большую боль мне мысли причиняют,
 Что эта чернь по глупости своей
 С такой враждою отвергает помощь,
 Которая во благо ей идет.

Гроссмейстер

Кто по благоволенью высших духов
 В людские души может проникать,
 Тот видит, как они самим себе
 Противоборствуют неумоимо.
 Война, которая нам угрожает, —
 Подобие лишь той войны великой,
 Которую враждующие силы
 Без устали в сердцах людских ведут.

Еврей

О господин, вы изrekli слова,
 Которые пронзили душу мне!
 Хоть от роду мечтателем я не был,
 Но каждый раз, когда в лесу блуждаю,
 Передо мной вдруг образ восстает
 С такою же непобедимой силой,
 Как те явления, что глазами видим.

Перед собой я вижу человека;
 Он руку мне с любовью подает.
 И выражают скорбь его черты,
 Какой я не встречал ни у кого.
 И красота его, его величье
 Мне до краев преисполняет душу.
 И я хочу склониться и смиренно
 Отдаться вестнику иного мира.

Но уж свирепствуют в ближайший миг
 В душе моей и бешенство, и гнев,
 И не могу противиться я им.

В душе сопротивление растет —
И принужден я руку оттолкнуть,
С любовью протянутую мне.

Когда же вновь в себя я прихожу,
Уже виденье светлое исчезло.

Когда я в мыслях воспроизвожу
Те образы духовные свои,
Одна мне мысль на ум тогда приходит.
И эта мысль мне сердце потрясает,
И мне тогда близки ученья ваши, —
Учения о Существе духовном,
Спустившемся из солнечных миров,
Чтоб на земле, средь нас, вочеловечась,
Сердцам людским воочию открыться.
И от учений ваших красоты
Уж я в себе замкнуться не могу;
Но не могу душою им отдаться,
Хотя прообраз человека я
И узнаю в том Существе духовном;
Но сам своим я узником бываю,
Когда в него уверовать хочу.
И я борьбу в себе переживаю, —
Всех внешних войн прообраз мне она.

И устрашаюсь часто я загадки
Таинственной земной судьбы своей:
Как объяснить, что, понимая вас,
Все ж не могу уверовать вполне
Я в ваше благородное ученье?
Прообразу я следовать стремлюсь
И все ж в противоречиях живу
И с целью, и с источником его.
Когда таким я чувствую себя,
Уж больше я не в состоянье верить,
Что обрету себя я в этой жизни.
Я часто говорю себе в тревоге:
А что, коль те сомненья перейдут
В грядущие мои существованья?

Гроссмейстер

Видение твое, мой милый Симон,
Перед собой я в Духе созерцал,
В то время, как о нем повествовал ты.

И далее, с течением слов твоих,
Развертывалась предо мной картина.
И был я удостоен видеть вещи,
Что мира цель с судьбой людской связуют.

(Гроссмейстер и Симон уходят.)

* * *

(После паузы входят в зал оба церемониймейстера.)

1-й Церемониймейстер

Мой милый брат, признаюсь откровенно,
Что кротость мастера мне непонятна,
Поскольку вижу я, как велика
Несправедливость наших недрогов.
Не знают ведь они учений наших
И все же их поносят пред людьми,
Нас обвиняя в ереси бесовской.

2-й Церемониймейстер

Такая кротость — плод учений наших.
Признав уразумение души
Задачей высшей, мы не смеем
Не понимать противников своих.
Средь них немало ведь людей найдется,
Которые живут по-христиански,
И тем не менее им недоступен
Учений наших глубочайший смысл;
Они лишь внешним слухом обладают.
Так вспомни же! Как неохотно сам,
И с внутренним сопротивленьем лишь,
Раскрыть духовный слух свой ты решился.

Из откровений мастера мы знаем;
В духовном свете Высший Солнца Дух,
Лишь раз в земное тело воплощенный,
Сумеют люди созерцать в грядущем.
И радостно мы в откровенье верим,
Наставникам премудрым доверяя.
Но лишь недавно нас предостерег
Тот, кто является главою нашим:

"Пусть ваши души тихо созревают,
 Коль созерцать хотите уж теперь,
 Что лишь в грядущем прочие узрят.
 Не думайте, — так далее он молвил, —
 Что после первого же испытанья
 Вы сможете грядущее узреть.
 Когда удостоверитесь вы в том,
 Что снова вы родитесь на земле,
 Тогда второе испытанье к вам придет,
 Разнуздывая в вас самообман
 И погашая в вас духовный свет".

И нам учитель предписал сурово:

"В часы раздумий тихих подмечайте
 Самообман; он как дракон душевный
 Опасен на путях Духоисканья.
 Подпав ему, мы бытие людское
 Желаем видеть там, где только дух
 В духовном свете хочет явлен быть.
 А если удостоиться хотите
 От самого Спасителя — Христа
 Свет мудрости принять духовным оком,
 Заботливо тогда себя блюдите,
 Дабы самообману не подпасть,
 Когда всего он дальше мнится вам".

Коль скоро углубимся в слово это,
 То разделять мы мнения не будем,
 Что в наше время можно без труда
 Распространить высокое ученье,
 Которому мы преданы душою.
 И то должны большим считать мы счастьем,
 Что столько душ собрать уж удалось нам,
 Уже теперь приемлющих зерно
 Для будущих земных существований.

Оно сначала в людях может стать
 Противником духовных сил, которым
 Должно оно впоследствии служить.
 Так в ненависти к нам я нахожу
 И ныне уж зерно любви грядущей.

1-й Церемониймейстер

Сомнения нет, что только так и должно
О цели высшей правды говорить.
Но уж теперь нам жизнь свою столь трудно
Вести в согласии с ученьем этим.

2-й Церемониймейстер

И тут слова учителя напомним:

"Пусть человечеству пока и не дано
Предвосхищать земли грядущей цели.
Но все-таки должны иметься люди,
Способные грядущее увидеть
И посвятить всю силу лучших чувств
Тем духам, что бытие отнять у мига
И вечности отдать его стремятся".

Занавес.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Та же лесная лужайка, что в шестой картине. Жена Кюне, их дочь Берта; крестьяне, затем Монах и, наконец, Цецилия, именуемая Цилли, — дочь Кюне и Фома.

Берта

О мать, мне так хотелось бы услышать
Из уст твоих ту повесть, что Цецилия
Уже не раз рассказывала мне!
Умеешь ты рассказывать все сказки,
Которые от рыцарей приносит
Домой отец на радость стольким людям,
Что слушают его с такой охотой.

Иосиф Кюне

Душевный клад таится в сказках сих.
И что дается Духу, то пребудет
И после нашей смерти, чтоб выросли
Для нас плоды в грядущих жизнях наших.
Мы в сказках смутно ощущаем правду,
Что чаянья души преобразует
В познание, пригодное для жизни.
О, если б люди только пожелали
Понять, сколь много рыцари нам дарят!
Но к их дарам Фома и наша Цилли

Еще доселе, к сожаленью, глухи,
В других местах они черпают правду.

Берта

Хочу услышать я сегодня сказку,
Что о Добре и Зле нам повествует.

Жена Кюне

Ее охотно расскажу я. Слушай!
Жил некий человек.
О мироздании много думал он.
Всего же больше мозг он мучил,
Стремясь постигнуть зла происхождение.
И все не мог найти себе ответа.
"От Бога этот мир, — так думал он, —
Но Бог в себе одно Добро содержит.
Как из Добра возникли злые люди?"
Так думал он, но думал безуспешно.
Не находил он на вопрос ответа.
Случилось раз, что на своей дороге
Перед собой он дерево увидел,
Что в разговор вступило с топором.
И так промолвил дереву топор:
"Что я творю, того не сотворишь.
Тебя срублю; меня ж не срубишь ты".
Но дерево сказала топору:
"И года нет, как человек срубил
Мой сук и сделал рукоять твою,
Другой топор вонзивши в плоть мою".
И как услышал это человек,
Так тотчас мысль в душе его возникла.
Не мог ее он выразить словами,
Но на вопрос ответ она давала,
Как из Добра возникнуть Зло могло.

Иосиф Кюне

Об этой сказке, дочь моя, подумай!
Увидишь, как явления природы
Способны в людях создавать познание.
Столь много объясняю я себе,
Когда я в мысли превращаю сказки,
Которые от рыцарей я слышу.

Берта

Сказать по правде, слишком я проста
 И ничего понять бы не могла,
 Когда бы мудрецы заговорили
 В словах ученых о своей науке.
 К таким вещам я вовсе не способна.

Совсем я сплю, когда свои ученья
 Мне изложить пытается Фома.
 Когда ж отец приносит сказки эти
 Из замка рыцарей домой, и часто так
 Он собственную речь свою часами
 Сплетаёт с тем, что в замке слышал он, —
 То я внимать готова без конца.
 О благочестьи Цилли все твердит,
 И мнит, что мне его не достает.
 Но я благочестивой становлюсь,
 Когда об этих сказках размышляю
 И радостно их в сердце берегу.

(Иосиф Кюне, жена его и Берта уходят.)

* * *

(После паузы на лужайку выходят крестьяне.)

1-й Крестьянин

Вчера домой мой отчим возвратился;
 В Богемии горнорабочим
 Он долгие трудился годы.
 Рассказывает он о многом,
 Что слышать довелось ему в пути.
 Заметно возбужденье повсеместно,
 Теснят повсюду рыцарей духовных.
 И против наших братьев также
 Все к наступлению готово,
 И замок их осадят вскоре.

2-й Крестьянин

Скорее бы сюда они явились.
 Народа много тут найдется,
 Готового принять участие в битве.
 И я, поверь, одним из первых буду.

1-я Крестьянка

Себе на гибель ты полезешь.
 Ишь, непонятливый какой!
 Или не понимаешь,
 Как сильно замок укреплен.
 Ужасен будет бой!

2-я Крестьянка

Мешаться нечего крестьянам
 В дела, которых не понять.
 А между тем по всей стране
 Столь многие теперь шныряют
 И всех к восстанью подстрекают.
 И до того уже дошло,
 Что без ухода все больные.
 Добряк, который раньше
 Так много людям помогал,
 Из замка выходить не смеет, —
 Так тяжело ему досталось.

3-я Крестьянка

И поделом! Народ весь возмутился,
 Услышавши, откуда та болезнь,
 Которая скотину нашу губит:
 Скотина околдована евреем;
 Лишь мнимо лечит он людей,
 Чтоб адскою своею силой
 Дьяволу получше услужить.

3-й Крестьянин

Брехней пустою об еретиках
 Чего они достигли?
 Достигли — лишь, чего хотели:
 Они достигли лишь того,
 Что злыми этими речами
 Заполнили досуги.
 И вот знаток людей искусно
 Бессмыслицу придумал,
 Что наш еврей околдовал скотину.
 И буря началась.

4-й Крестьянин

Я думаю, вам всем известно,
 Как бедственна война.
 Отцы рассказывали нам
 О том, что пережили
 В те времена, когда страна
 Была повсюду занята войсками.

4-я Крестьянка

Предсказывала я всегда,
 Что их величье скоро сгинет.
 И я уж видела во сне,
 Как послужить мы можем войску,
 Когда оно осадит замок,
 Его снабжая пищей.

5-й Крестьянин

Нам следует ли верить снам,
 Мы спрашивать не станем.
 Нас рыцари умней хотели сделать,
 Чем были наши предки.
 Так пусть теперь узнают,
 Насколько мы умнее стали.
 Их в этот край впустили предки наши,
 А мы — мы их изгоним.

Ходы я знаю потайные,
 Что к замку их проведены.
 Я в тех ходах работал,
 Пока оттуда в гнев не бежал.
 Пусть рыцари увидят,
 Сколь нам наука их нужна.

5-я Крестьянка

Недоброе он в помыслах таит!
 От слов его мне страшно стало.

6-й Крестьянин

В видении духовном я узрел,
 Как тайною дорогою предатель
 Войска врагов проводит в замок.

6-я Крестьянка

В таких виденьях пагубу я чую.
Кто мыслит, как христианин,
Тот знает: честностью,
А не изменой злой,
От зла мы будем спасены.

6-й Крестьянин

Болтайте, сколько влезет.
Я ж действовать хочу.
Мы часто злым считаем,
Чего не в силах совершить
По трусости своей.
Но нам пора идти.
Уже сюда подходит патер.
Мешать ему не будем.
Его я понимал
Всегда без затрудненья.
Но проповедь его сегодня
Мне что-то темной показалась.

(Крестьяне уходят в лес.)

* * *

(После паузы на тропинке появляется Монах.)

Монах

Душевный путь приводит к заблуждению,
Коль предоставлена душа себе самой.
И вызвала одна лишь немоць сердца
Передо мной все эти наважденья
В том доме, ненавистном для меня.
То, что друг с другом эти силы бились,
Отчетливо показывает мне,
Как я в своей душе еще разрознен.
А потому я попытаюсь снова
Возжечь внутри души своей то слово,
Которое мне свет ниспосылает.
Других путей ведь тот лишь пожелает,
Кто ум самообманом ослепил.
Душа тогда лишь победит обманность,

Когда достойной явится она
 Той благодати, что в ученьях мудрых
 Свет Духа излучает из любви.
 И знаю я — ту силу я найду,
 Что озарит отцов святых ученья,
 Коль скоро я сумею со смиреньем
 От своемыслия вредного бежать.

(Монах уходит.)

* * *

(После паузы на лужайку выходят Цецилия, именуемая Цилли, и Фома.)

Цецилия

Мой милый брат, когда я с благочестьем,
 В молитве тихой к роднику миров
 Душою приближалась, и стремленье
 Соединиться с ним владело сердцем,
 Тогда я в духе созерцала свет
 И ощущала кроткое тепло.
 И свет слагался в образ человека,
 Который с лаской на меня взирал,
 И до меня так ясно доносились
 Его слова:

"Обман людской тебя осиротил;
 Теперь же ты проникнута любовью,
 Но жди, покуда страсть тебе откроет
 Причину появления своего".

Так говорил не раз тот человек.
 Растолковать тех слов я не умела,
 Но все ж надеждой утешалась я,
 Что сбудется с годами предсказанье.
 Когда же ты явился, милый брат,
 И я тебя увидела впервые,
 То чувств своих почти что я лишилась, —
 Так ты на то виденье походил.

Фома

Твой вещий сон тебя не обманул:
 Был приведен к тебе я этой страстью.

Цецилия

Когда же ты избрал меня в супруги,
Я думала, что Дух связует нас.

Фома

Что Дух связать нас пожелал друг с другом,
То ныне с полной ясностью сказалось,
Хоть мы его и поняли превратно.
Казалось мне, что дал мне Дух супругу,
Когда я познакомился с тобою.
И встретился с утраченной сестрою.

Цецилия

И уж ничто нас больше не разлучит.

Фома

Но между нами многое стоит.
Ведь связаны так тесно Кюне с братством,
Которое отвергнуть должен я.

Цецилия

Полны они любви и доброты.
Поверь, они тебе друзьями будут.

Фома

Разделит нас различье веры нашей.

Цецилия

Через меня найдешь ты к ним дорогу.

Фома

У Кюне милого — упрямый нрав.
Всегда считать он будет темнотою
То, в чем источник света я нашел.
Ведь привелось лишь в зрелые года
Мне к истинному свету обратиться.
Все то, что в детстве от него я принял,
Осталось неосознанным для духа.

Ну, а потом я думал лишь о том,
 Чтоб изучить, как следует, науку,
 Которая работу мне давала.
 И только здесь учителя нашел я,
 Сумевшего освободить мне душу.
 Слова, что услышал я от него,
 Стоят под знаком истины высокой.
 И голову, и сердце подчинил
 Одновременно он своим ученьям,
 Которые столь кротко он дарит.
 Потратил раньше много я усилий,
 Стремясь понять учения другие;
 Лишь заблуждение в них я усмотрел.
 Придерживаются они той силы,
 Что — будучи в земных делах полезна —
 К духовным царствам привести не может.
 И как к сердцам я отыщу дорогу,
 Которые в сем заблуждение злом
 От всех житейских бед спасенье видят?

Цецилия

Мой милый брат, словам твоим я внемлю...
 Не внушены они тебе желаньем мира.
 Но мирный образ вызвали они
 В душе моей из дней давно минувших.
 Случилось это в пятницу страстную;
 В тот день я тоже видела тот лик,
 И мне сказал тогда тот человек,
 Что на тебя так дивно походил:

"От Бога изошла душа людская,
 И в бытии утонет, умирая.
 Но некогда от смерти дух воскреснет".

И осознать мне довелось лишь позже,
 Что это наших рыцарей девиз.

Фома

Итак, сестра, из уст твоих я должен
 То грешное услышать изречение,
 Что почитают истиной враги!

Цецилия

Поверь мне, что я сердцем сторонюсь
 Слов и деяний этих рыцарей,
 И разделяю веру я твою.
 Но никогда меня не убедишь ты
 В том, что идут не по стопам Христовым
 Те люди, что находят цель своих
 Учений на путях, подобных этим.
 Хоть преданная ученица Духа я,
 Но признаюсь, что мне близки слова,
 Которые мне о душевном мире
 Твой дух, о брат, изрек в тот день столь ясно.

Фома

По-видимому, нам судьбою нашей
 Душевный мир не предопределен.
 Судьба взяла от нас отца родного
 В тот самый час, когда он к нам вернулся.

Цецилия

От скорби возмущаюсь я душою,
 Когда при мне отца ты так поносишь.
 Ведь сердцем все ж ты тянешься к нему,
 Хоть от одной возможности дрожишь —
 Соединиться в этой жизни с ним.
 Хоть мудрому наставнику ты предан,
 Но все ж не внемлешь ты, когда он учит
 В возвышенных реченьях о любви.
 Пред темною загадкой я стою:
 Я доброту твою и веру вижу,
 Но перед бездной содрогаюсь я,
 Что страшно так меж ними разрослась.
 И не имей надежды я, что все
 На свете может победить любовь,
 Не вынести бы мне таких страданий.

Фома

Так, значит, от тебя еще сокрыто,
 Как принуждает мысли власть того,
 Кто ею преисполнен до краев.
 Тут не отец столкнулся ныне с сыном, —
 От мысли отвращается тут мысль.
 Я мысли мощь в душе переживаю;

И если б я бороться с ней решил,
То должен был бы дух мой умереть.

Занавес падает, пока Фома и Цецилия еще на лужайке.

Все последующее является продолжением событий, представленных в пяти первых картинах.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Тот же пейзаж, что в пятой картине; Капезий пробуждается от видений, раскрывших перед его душой предшествовавшее воплощение.

Капезий

Совсем чужая местность! И скамья,
Дом и опушка леса предо мной.
Их знаю ли?.. Они внушают властно,
Что я их знаю... Как гнетут они!
И на душу ложатся грузом тяжким!
Они — действительность. Но нет, — все это
Лишь образы душевные, не больше...
Ведь знаю я, как из душевной жажды
И из тоски видения возникли;
Как из тоски я вынырнул, проснувшись,
Из моря Духа вынырнул я вдруг.

Воспоминанья страшные встают
О той тоске из глубины душевной.
Как жажда бытия сжигала душу!
Обманчивая радость, из лишений
Возникшая, сожгла меня совсем.
Бытия я бурно должен был возжаждать,
Но от меня все бытие бежало.
Одно мгновенье вечности во мне
Такую бурю муки породило,
Как будто прожил целую я жизнь.
До этих страхов и тоски моей
Я видел то, что их во мне рождало.

Я будто бы разросся до Вселенной,
И своего лишился существа.
Но нет, ведь это чувствовал не я,
А тот другой, что из меня возник.
Я созерцал людей и их дела

Р. Штейнер. GA 14. Испытание души

В тех мыслях мира, что, носясь в пространстве,
 Передо мной сгущались в откровенья;
 И в образах внезапно целый мир
 Передо мной построили они,
 Из вещества души моей изъяв
 Ту силу, что бытие творит из мыслей.

Чем больше мир передо мной сгущался,
 Тем больше чувств я собственных лишался.

И зазвучали в образах слова,
 И шли они ко мне, себя помыслив,
 Существ из недостатков созидая
 И в них из дел благих вливая силу.
 И из пространств бескрайних прозвучало:

"О человек, познай себя, свой мир!"

И существо я видел, что в своей
 Душе мою мне душу выявляло.
 И мировое слово прозвучало:

"Пока его в своем житейском круге
 Соединить не сможешь ты с собой,
 Ты — сам себе привидевшийся сон".

Отчетливо я не был в силах мыслить,
 Я только видел силы, что метались
 В ничто от бытия и от ничто — в бытье.
 Но если дальше в прошлое всмотреться,
 То вспоминаю, что узрел я раньше
 Перед душой своей картину жизни,
 Уж не туманно, как все то, что я
 Почувствовал в позднейшие мгновенья.

Нет! Но людей, их судьбы и дела
 Она во всех подробностях являла.
 И из видений ясно стало мне,
 Кто эти люди, что они творят.

Всех мною виденных людей я знаю,
 Хоть облик их теперь и изменился.
 На них смотрю я, будто бы я сам
 Участвую в их жизни и деяньях.
 Но оставляет все же равнодушным
 Все, что так живо вижу пред собой.

Как будто бы воздействие на душу
 В мгновение следующее сказалось,
 Которое я первым зрю сейчас.
 Как самого себя, так и всех прочих
 Увидел я в одном духовном братстве,
 Но так, как если б образы времен
 Давно минувших память извлекла.
 Горнорабочим своего я сына
 Фому увидел, и сейчас же вспомнил
 Томазия, известного мне ныне.
 А в ясновидящей теперь я узнаю
 Цецилию — свою родную дочку.
 Мария же, Томазия подруга,
 Раскрылась мне в виденье как монах,
 Который наше братство проклинал;
 Имел черты еврея доктор Штрадер.
 Я Феликса узнал в обличьи Кюне,
 В его супруге же — Фелицию Бальде.

Так с ясностью я созерцаю
 Чужие и свое существованье.
 Но стоит мне им целиком отдаться,
 Как уж они из духа исчезают.
 И чувствую я, как моя душевность,
 Из коей были сотканы они,
 Вливается в мою обратно душу.
 И чувствую, как переполнен я,
 Как до краев исполнен я блаженства.
 Я вырвался из чувственного плена,
 До мирозданья я в бытии разросся.
 Так долгий я переживаю миг,
 Испытанный до той поры, как я
 Пред тем виденьем странным оказался.

Теперь смотрю и дальше я назад:
 Сгустясь из силы мыслей мировых,
 Является пред взором снова лес,
 И дом, в котором мне Фелиция и Феликс
 Столь часто утешенье приносили.
 И вновь себя я нахожу в том мире,
 Откуда был совсем сейчас восхищен
 Во времена и дали мировые.
 Тот образ, на который равнодушно
 Еще недавно в Духе я взирал,
 Ложится, как душевности туман,
 Теперь на все, что чувственно я вижу.

И как гора он давит на меня,
И мечется в душевных недрах.

Врата миров и даль миров разъялись!

О, что в моих бушует глубях,
Из далей мира приближаясь?

Голос Духовной Совести

**Прочувствуй, что видел ты,
Что сделал — переживи!
Вновь к бытию ты возвратился;
Лишь грезил ты о жизни.
Осуществи её:
Духовный свет зажги;
Познай дела свои
Душевым зрением.
А если будешь слаб,
С бессущностным ничто
Сольёшься ты навеки.**

Занавес падает, пока Капезий еще на сцене.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Та же медитационная комната, что во второй картине. Мария, Ариман.

Ариман

Сплел Бенедикт хитро мышленья нити
И уловил он ими разум твой.
И в заблужденье он тебя вовлек.
И жертвой тех же лживых снов
Томазий и Капезий оказались.
С тобой одновременно созерцали
Они виденья прежней жизни.
Вы ищите с тех пор в далеком прошлом
Предшествовавшие существованья.
Но заблуждению все вы подпадете,
Коль скоро вы обязанности жизни
Из прошлого решите вывести.
Что Бенедикт виденья создал сам
И их затем отнес в минувшие эпохи:
Ты это и сама легко проверишь.
Ты видела людей, тебе знакомых,

Р. Штейнер. GA 14. Испытание души

Такими, каковы они теперь:
 Жен — женами, мужчинами — мужчин;
 И в остальном они похожи были.
 Так сомневаться уж не сможешь ты,
 Что ты не истину, а только бред
 Своей души своим духовным зреньем
 Перенесла во времена былые.

Мария

Я знаю: ты — отец всех заблуждений,
 Но часто ты и правду говоришь.
 И кто отверг бы всяческий совет,
 Который от тебя мы получаем,
 Тот стал бы жертвой тяжких заблуждений.
 Как маской правды пользуется ложь,
 Чтоб лучше уловлять людские души,
 Так подпадает человек обману,
 Коль от истока лжи и заблуждений
 Раз навсегда он прочь бежать бы вздумал.
 Не только ложь в душе ты порождаешь;
 От духа лжи и сила истекает,
 Которая сужденью мощь дает.
 И потому тебе я внемлю смело:
 В той части задеваешь душу ты мою,
 Где бодрствовать всегда ей надлежит.

И если взвесить доводы твои,
 Которые расчетливо приводишь,
 Казаться может, что лишь мозга бред
 Перенесла в минувшие я дни.
 Но я спрошу: во все ли времена
 Ты проникаешь с мудростью своей?

Ариман

Нет царств таких, где б существа имелись,
 Которые мне были бы враждебны,
 Когда ищущий я доступ к становленью.

Мария

Владыками судеб ты мудро призван
 Противоборцем их деяний быть.
 Сопротивляясь, ты вперед ведешь,
 Свободы мощь душе людской даешь,

Когда в ее тыходишь глубину.
 И из тебя исходят силы мысли,
 Что — будучи истоком заблуждений —
 Все ж чувством правды управляют в нас.

Одна лишь область в царстве Духа есть,
 Где выковать способны люди меч,
 Перед которым сгинуť должен ты.
 То — область, где творят людские души
 Себе познания из сил рассудка
 И в мудрость Духа их преобразуют.

И если верно я смогу в мгновенье это
 Меч выковать из слова правды,
 То это место ты покинуть должен.

Так слушай же, о, ты, отец иллюзий,
 Скажу ль тебе победную я правду.

Бывают в эволюции эпохи,
 Когда все силы тихо увядают,
 И новые на смену им приходят.
 В подобную эпоху я была
 С друзьями в Духе соединена,
 Когда они искали жизнью прежних.
 В то время истинные люди Духа
 В душевное соединились братство
 И в царстве мистики черпали цели.
 В такое время боги насаждают
 В людские души семена свои.
 И семена не скоро созревают.
 Тогда и в следующей жизни люди
 Являют свойства жизни предыдущей.
 Мужчинами рождаются мужчины
 Такой эпохи, снова воплощаясь;
 И женщинами — женщины рождаются.
 Короче, чем обычно, промежуток
 Меж воплощениями таких людей.
 Тебе же зренья для эпох подобных
 Не достает. Не можешь потому
 Без заблуждения в них ты разбираться.
 Но вспомни, как мы встретились с тобой,
 Когда я находилась в замке том.

И ты изрек слова, чтоб самомнение
 В душе моей взрастить своею лестью.

Воспоминанье о мгновеньи том
Мне силу даст тебе сопротивляться.

(Ариман удаляется с недовольной гримасой.

Гром.)

Так, все ж, он должен был покинуть место,
Что часто так благословлял учитель.
А мне он с очевидностью явил,
Как мы легко способны ошибиться,
Употребляя свой духовный слух
Без бодрствующего самосознания.
Большие у противоборца силы
Для углубленья всех противоречий.
Уверенность у душ он похищает.
Но он немеет, увидав тот свет,
Что, из Премудрости ключей сияя,
Очам духовным раскрывает мир.

Занавес.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Та же комната, что в предыдущей картине. Иоанн и Люцифер.

Люцифер

Явил тебе Капезий, что бывает
С людьми, когда духовный край они
Себе открыть желают слишком рано.
Он книгу жизни собственной читает,
Грядущее свое он прозревает.
Судьбой непредугаданная скорбь
Живет в таком познании, неспособном
В житейские поступки воплотиться.
Осуществленье всех людских желаний
От человеческой зависит воли.

Капезию придется вопрошать
При каждом шаге, сделанном им в жизни:
Я полностью ли выполнил свой долг,
Что из минувшей жизни вытекает?

Так горний свет, все вещи озаряя,
 Болезненно слепит ему глаза.
 Не может свет ни в чем ему помочь:
 Он в подсознание умерщвляет силы,
 Которые душой руководят.
 Но, мудрости не увеличив, свет
 Лишь обессиливает плоть его,
 Не дав душе царицей плоти стать.

Иоанн

Я вижу, как я в жизни заблуждался
 И, обездушив плоть свою, вознес
 Я душу горделиво в царство Духа.
 Однако же, не цельный человек
 Таким путем был к свету приобщен,
 А легкая душевная лишь тень.
 И о духовных далях только грезил
 Я, с творческими силами сливаясь.
 Желал я в свете обитать блаженно
 И в красках созерцать его деянья.
 И, как художник, весь духовный мир
 Я воссоздать в бытии земном стремился.

Двойник мой, что черты мои носил,
 В ужасной правде мне меня явил:
 Я о любви душевной, чистой грезил,
 Но бушевала страсть в моей крови.
 Земное воплощенье я увидел,
 Мне подготовившее эту жизнь,
 И я познал, к чему стремиться мне.
 Духовный путь, который мною пройден, —
 Как та душа дерзнет его продолжить,
 Которая до жизни сей земной
 Жила под оболочкою Фомы?

И то, как он устроил жизнь свою,
 Предугадать мне цель мою поможет.
 Я мнил достичь в существованье этом
 Плодов, что позже лишь созреть должны.

Люцифер

Тебя мой свет вести и дальше будет,
 Раз до сих пор ты был ему послушен.
 Ведь избранный тобой духовный путь,

Хоть с горним миром дух и обручает,
Но мрак приносит он душе твоей.

Иоанн

Чего достигну, если без души
Духовному отдамся царству я?
В конце времен земных своих останусь
Таким же существом, каким я был,
Когда из недр вселенских образ мой
Людской в начале времени родился.
Но если я влечениям отдамся,
Которые в душевных глубях мощно,
Хотя и слепо, к жизни рвутся,
То станет действовать во мне весь мир.
Пусть знать не буду, что меня влечет,
Но верю я, что волею миров
Тогда вперед я буду увлечен.
Она же знает все, что нужно мне,
Хоть я ее постичь и не могу.
То, что творит она в душе людской,
Богатством нашу душу наполняет.
Хочу отдаться ей. И впредь не буду
Ее губить тщетой своих исканий.

Люцифер

Я действую в сей воле мировой,
Когда она бурлит в душе людской.
Пока душа живет неполно мною,
Она — лишь член иных существ духовных.
Я ж созидаю подлинных людей,
Способных в мире сохранить себя.

Иоанн

Я думал, что тебя вполне постигнул,
Но от тебя имел я только схему,
Во мне духовным созданную зреньем.
Тебя хотеть и чувствовать я должен,
Дабы тебя преодолеть в грядущем,
Коль пожелает этого судьба.

Духовные познания мои
Пусть в душевных недрах пребывают,
Доколь их жизни силы не пробудят.

Доверчиво я отдаюсь той воле,
Которая мудрей души людской.

(Иоанн с Люцифером уходят.)

Занавес.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Солнечный Храм — сокровенное святилище иерофантов. Люцифер, Ариман, три душевных существа, Штрадер, Бенедикт, Феодосий, Роман, Мария.
Сперва входят Люцифер и Ариман.

Люцифер

Я победителем стою перед тобою:
Завоевать себе сумел я душу,
Которая при свете солнца
Духовного сроднилась все же с царством нашим.
Успел еще я в нужное мгновенье
Ей ослепить глаза, дабы она
Не восторгалась, грезя, светом вашим.
Но всякую теряю вновь надежду,
Что мы в духовном царстве сможем победить,
Когда к соратнику я обращаюсь.
Не в силах был ты завладеть душою,
Которая бы дело завершила.
И потому на краткое лишь время
Отдавшуюся мне людскую душу
Я удержать способен в наших царствах.
Ее затем врагам вернуть я должен:
Нужна вторая для победы полной;
Но от тебя спастись ей удалось.

Ариман

Да, неблагоприятны времена,
И доступа не нахожу я к душам.
Идет еще одна, с которою я бился.
Хоть без духовных знаний тут она,
Но все ж вперед стремится ее рассудок.
И отступить мне от нее придется,
Хоть нет еще сознания у нее.

(Три душевные силы со Штрадером.)

Филия

Хочу исполниться
 Сияньем веры я.
 Хочу вдохнуть в себя
 Я мощь доверия
 Из радостной души,
 Чтобы спящий в Духе
 Разбужен светом был.

Астрид

Сплести хочу я
 Со словом откровения
 Преданной души блаженство.
 Сгустить хочу я
 Лучи надежды.
 Пусть в темноте сияют
 И пусть в сияньи меркнут,
 Чтобы спящий в Духе
 Был силами поддержан.

Луна

Хочу согреть душевный свет
 И укрепить любовь хочу.
 И пусть они отважно
 Себя освобождают;
 Пусть, поднимаясь,
 Дать вес себе желают,
 Чтобы спящий в Духе
 Стряхнул все бремя мира
 И чтоб душевный свет
 Его освободил.

Бенедикт

Взываю к вам, о спутники мои,
 Взыскующие тот духовный свет,
 Что в души устремляется людские.
 Душевное известно солнце вам;
 Оно сияет часто светом полдня,
 Но иногда лишь сумрачно оно
 Просвечивает сквозь туман души.
 И часто перед мраком отступает.

Служитель Храма всматриваться должен
 В души глубины, где сияет властно
 Духовный свет с вершин высоких мира.
 Но также должен различать он цели,
 Что неосознанно во тьме душевной
 Людским развитием тайно управляют.
 И духи, что духовное питаенье
 Душе людской ниспосылают долу,
 Они теперь в святилище явились,
 Чтоб одного из смертных привести
 Из ночи духа в света горний край.
 Его познание сном еще объято;
 Но уж призывы Духа прозвучали
 В глубинах сокровенных подсознания.
 Что изрекли они в души его глубинах,
 Проникнет вскоре в слух его духовный.

Феодосий

Но до сих пор он все еще не мог
 Найти себя в духовном горнем свете,
 Сияющем сквозь чувств земных завесы
 И раскрывающем свершений смысл.
 Вне Бога он природу созерцал,
 И вне природы Бога он искал.
 И так он в продолжение многих жизней
 Был отчужден совсем от мирового смысла,
 Себе орудьем жизни избирая
 Всегда такие только оболочки,
 Что от людей его отъединяли.

Но в этом Храме обретет он силу
 Переживать в себе чужую душу,
 И так себе возможность завоюет,
 Покинувши мышленья лабиринт,
 Путь отыскать к источникам бытия.

Бенедикт

Еще один взыскует Храма свет.
 Но лишь в грядущем он, к вратам приблизясь,
 Сюда, в святилище войти решится.
 Он насадил в исследованиях строгих
 Зачатки мыслей в глубине душевной.
 И Духа свет в них должен был проникнуть,
 И дать созреть им вне пределов Храма.

Он созерцал бытие свое земное
 Как следствие иного бытия,
 Которое он в прошлом пережил.
 И заблужденья той минувшей жизни
 Во всех последствиях он ясно понял.
 Но нет в нем силы, чтобы долг исполнить,
 Возросший из самопознания.

Роман

Капезию поможет Храма власть
 Познать, что мы в одном существованье
 Взять на себя способны долг такой,
 Что лишь по истеченье многих жизней
 Он может быть вполне погашен нами.

С бесстрашием признать Капезий должен,
 Что надо плод старинных заблуждений
 За смертные врата перенести;
 С победой сохранит себя он битве,
 Она врата духовные раскроет,
 Коль смело взглянет Стражу он в глаза,
 Что на пороге в Духа край стоит.

И этот Страж ему тогда покажет,
 Что на высоты не взойти тому,
 Кто устрашится книги бытия.
 И в том Капезий смело убедится,
 Что знание скорби создавать должно,
 Хоть утешать их, не дано ему.
 Помощником его да станет воля
 Что с мужеством в грядущее идет,
 И, укрепляясь в родниках надежды,
 Скорбям познания противостоит.

Бенедикт

О братья, Храма преданные слуги,
 Вы в этот час премудро указали
 Ту горную дорогу, на которой
 Вы можете к душевной высшей цели
 Искателей обоих привести.

Но и других деяний хочет Храм.

Мы зрим пред нами князя вожделений.
 Он смел сюда, в святилище проникнуть,
 Затем, что был открыт ему Иоанном
 Вход, что обычно заперт для него.
 Брат, получивший наше посвящение,
 Еще доселе силы не имел
 С бесстрашием словам сопротивляться,
 Которые из мрака возникают.

В нем возрастут тогда благие силы,
 Когда с сопротивлением столкнутся.
 И скоро вновь он будет в Храме нашем
 Тепло любовью братскою объят.

Но охранять духовный клад нам надо,
 Дабы не погрузился он во тьму.

(Обращаясь к Люциферу.)

К тебе я обращаюсь. Ты не долго
 На этом месте сможешь пребывать.
 Еще не может ныне Храма власть
 Из рук твоих отнять Иоанна душу;
 Но он в грядущем с нами будет вновь,
 Когда плоды в душе сестры созреют,
 Цветенье коих уж теперь мы видим.

(Появляется Мария.)

Она в прошедшем воплощении познала,
 Как Иоанн был в прошлом с нею связан.
 Уже в те дни он следовал за нею,
 Когда она сопротивлялась свету,
 Которому столь предана теперь.
 Когда душевные столь крепки узы,
 Что сохраняются в метаморфозах, —
 Сомнений нет, что Люцифера власть
 О прочность их должна тогда разбиться.

Люцифер

Не Бенедикта ль собственная воля
 Иоанна от Марии отделила?
 Но где расходятся друг с другом люди,
 Там для меня уж поприще готово.
 Ищу разъединенных я всегда,

Дабы навеки можно было землю
Отвоевать у рабства мирового.
Мария в одеянии монаха
Ту душу отвратила от отца,
Что в Иоанне действует теперь,
И этим создала она зачатки,
Которым я надежно дам созреть.

Мария (обращаясь к Люциферу)

Но в человеке есть любви истоки,
Куда не проникает власть твоя.
Вскрываются они, когда ошибки,
Что люди бессознательно свершили,
В позднейшие земные времена
Усмотрены духовно, и в деянья,
Имеющие нравственную ценность,
Превращены усилием свободным.
Была я удостоена судьбою
Минувшие увидеть времена.
И знаменье указано мне было,
Как управлять мне жертвенною волей,
Дабы для тех людей добро возникло,
С которыми всегда меня связуют
В бытии земном невидимые нити.

Я созерцала, как покинула отца
Душа Иоанна — в прежнем воплощенье, —
А также силы, что меня толкали
Отца и сына меж собой поссорить.
И вот отец теперь передо мною
И говорит про давнюю вину.
В том мировом он говорит мне слове,
Что знаменья созиждет из деяний.

Зло, что обоим причинила я,
Должно было сказаться ныне вновь
И в **этой** жизни, в коей снова связан
Был тесно Иоанн с душой моей.
А в том страданье, что перенесла я,
Когда с Иоанном мне пришлось расстаться,
Я узнаю плоды своих деяний.

И если верность свету соблюду
Что власти Духи мне ниспосылают,
То силы обрету через услуги,

Которые я окажу Капезию
 На трудном жизненном его пути.
 И несомненно, с помощью сих сил
 Звезду Иоанна и тогда увижу,
 Когда, желаниями увлечен,
 Он отойдет от светлого пути.
 Познаю я духовным зрением,
 Что времена былые мне являло,
 Как созидать людские отношенья
 В **сей** современной жизни, чтобы силы,
 Зачатые в тумане подсознания,
 Служили человеческому благу.

Бенедикт

В глубоком прошлом узел завязался
 Из тех незримых нитей,
 Что в становленье Кармой ткутся.
 И жизни трех людей вплелись в тот узел.
 Святилища духовным светом горним
 Был этот узел ныне озарен.

К тебе, Мария, речь я обращаю;
 Из этих душ одна лишь ты сейчас
 Находишься на месте жертв священных.
 Так пусть в тебе, Мария, этот свет
 Созидает благотворные те силы,
 Которые когда-то в узел жизни
 Судьбу твою связали с их судьбою.

В минувшей жизни не сумел отец
 Снискать сыновнюю любовь; теперь
 Духоискатель другу твоему
 Пути в края духовные укажет.
 Твоя ж обязанность — Иоанна душу
 Твоею силой сохранить для света.
 Ты с ней давно уж связана была,
 Но за тобою шла она лишь слепо.
 И ты вернула ей ее свободу,
 Когда она иллюзией жила.
 Найдешь ее ты вновь, когда она
 Себе самостоятельность создаст.
 Коль скоро свету верность соблюдешь,
 Что шлют тебе из царств духовных власти,
 То даже в сферах князя вожделений
 Души твоей Иоанн возжаждать сможет.

И чрез любовь, которою он связан
С тобой, он вновь найдет дорогу к свету,
Затем, что через свет и темноту
Пробьется тот, кто смог в душевных глубях
Вершины Духа созерцать в познание.
Вдыхал в себя он из миров далеких
Тот воздух, что навек животворит
И, оживляя, подымает дух
Из недр душевных к солнечным вершинам.

Занавес.